

Татьяна Соломатина

ПСИХОЗ

Татьяна Юрьевна Соломатина

Психоз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=319922

Татьяна Соломатина. Психоз: Яуза-Пресс, Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-9955-0163-3

Аннотация

ОТ АВТОРА

(написано под давлением издателя и потому доказательством против автора это «от» являться не может)

Читатель хочет знать: «О чём эта книга?»

О самом разном: от плюшевых медведей, удаления зубов мудрости и несчастных случаев до божественных откровений, реинкарнаций и самых обыкновенных галлюцинаций. Об охлаждённом коньяке и жареном лимоне. О беседах с покойниками. И о самых разных живых людях. И почти все они – наши современники, отлично знающие расшифровку аббревиатуры НЛП, прекрасно разбирающиеся в IT-технологиях, джипах, итальянской мебели, ценах на недвижимость и психологии отношений. Но разучившиеся не только любить, но и верить. Верить самим себе. Потому что давно уже забыли, кто они на самом деле. Воины или владельцы ресторанов? Ангелы или дочери фараонов? Крупные бесы среднего возраста или вечные маленькие девочки? Ведьмы или просто хорошие люди? Бизнесмены или отцы? Заблудшие души? Нашедшиеся тела?..

Ещё о чём?

О дружбе. О том, что частенько лучше говорить глупости, чем молчать. И держать нос по ветру, а не зажмуриваться при встрече с очевидным. О чужих детях, своих животных и ничейных сущностях. И о том, что времени нет. Есть пространство. Главное – найти в нём своё место. И тогда каждый цыплёнок станет птицей Феникс...

Содержание

Первая глава	5
Вторая глава	47
Третья глава	80
Четвёртая глава	113
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Татьяна Соломатина

Психоз

*Она сидит на пахнущих смолой сосновых досках
и всё помнит. Ей хочется что-то сказать, но слова,
как пламя, замкнутое внутри, поедают сами себя.
Она смотрит в небо и плачет. Оттуда, сверху,
льются свет и тепло. Где-то внизу незнакомого ей
тела истерически хохочет боль...*

*Остывших радуг отраженье
Находится в пустой воде,
И чудится тенями дней
Их седовласое брожение.
И берег дышит чернотой
Заилленных своих карманов,
И надломившейся рукой
На ощупь дуб среди тумана
Печаль ответную берёт.
И нестерпимым настаёт
Пленённый звук,
Что в сердце малом
Нам данный за границей лет,
Имел приют...*

Первая глава

Она сидит на балконе, смотрит на кладбище через дорогу,

разговаривает и курит.

Квартирка малюсенькая. Чужая. Среди элементов благосостоявшейся обстановки, как валенки на столе, – детали, свидетельствующие об острых приступах жадности недоделанного рантье.

«Круговорот однокомнатных жизней...»

Этажом ниже, в такой же по площади, но не по антуражу, живёт семья – муж, жена и младенец. За стенкой наискосок – четверо: вздорная старуха, её дочь-скандалистка, зять-алкоголик и внучок-лоботряс.

«Вы, Марья Ивановна, спите в ванной? А завтракаете вы по очереди? Или стоя?»

Первый этаж дома занимает заполошный универсам. Где всё «по рублику», кабы даром не было бы нужно. Там вечно толпится народ разной степени социальной слоистости.

«Во время засухи львы с антилопами мирно соседствуют на водопое», – успокаивающе крутится у Сашки в голове приятный мужской голос из «В мире животных».

Дама в песцовом полушубке и кожаных штанах каждый

вечер в одно и то же время покупает картонку отвратительного сока, «химические» йогурты и пакеты с замороженной биомассой: лежалые дубовые мидии, «мексиканская» овощная смесь или бесцветные креветки, явно добытые карьерным способом прямо из вечной мерзлоты.

«Диетическое питание... Держи карман шире. Под тональным кремом последствия таких «здоровых» ужинов не скрыть!»

Мужик в засаленной дублёнке образца семидесятых двадцатого столетия приобретает бюджетную водку, хлеб и пачку гречки или кулёк весовых макарон с оттенком серой амбарной пыли.

«Вот это нормально. Знает своё место в пищевой цепочке и не питает иллюзий. И – главное – не питается ими. Счастливый, здоровый человек...»

Тележки молодых хозяек наполняются пельменями, детскими кашами быстрого приготовления, баночками фруктовых пюре, булками, чипсами, пивом, средством для мытья посуды и «диетическими» мюсли, имеющими вид конюшенного мусора, слегка сдобренного паршивым ссохшимся изюмом и мумифицированным силосом неизвестного происхождения.

«Да-да! Если после пельменей с пивом и сметаной тщательно жевать смесь овса с навозом, то ваши бёдра станут ещё белее и пушистее!»

Сашка в саркастичном настроении. Всё лучше, чем грусть-тоска печальная.

Прыщавые переростки, еле сдерживая рефлекс непрерывного сплёвывания под ноги, вновь предвкушая, вспоминают, «как они вчера».

– Я своей руку поцеловал, прикинь?! А она мне: «Ты чо, охерел?!»

– Вот сука, в натуре! – тут же «прикидывает» товарищ с такой же нечистой кожей.

– Да я к ней, типа, как к женщине решил. Красиво...

– Ну ты олень! – Картинно закатывает мутные глазёнки. – Чо, дала?

– Дала. Но уёбищная! Жопа вся в прыщах... А я, блядь, руку... Как женщине... Ласки же, типа, хочет... Тоже человек...

– Фу, бля!

– Да я ещё дурной спьяну. Говорю ей: «Ты чо, сука?!» Ну и толкнул, чиста так, чтобы того... А она упала, да как заорёт. Припадочная какая-то. Всю морду себе, сука, разбила. Я ваще, нах, такого не видел. Упала и бьётся. Руку, бля, по-

целовал. Как женщине...

К Сашке подкрадывается истерический хохот. Она надувает щёки и хмурит брови.

[— Александра Александровна, я не могу построить отношения. Ни с кем. Они меня не понимают! Чо мне делать-то? Вас посоветовали как грамотного, бля, специалиста! Вы очень помогли моему другу, у меня одна надежда на вас!

— На себя надежды никакой?

— Чо? Не понял...]

— Чо?..

— Ну, упала, говорю, и колотится. Блядь чумная! Сёдня спрашиваю: «Ты чё?!»

— Ну?..

— Да, не помнит ни хера...

Лица окружающих привычно остаются заgrimированно-равнодушными.

Малыш в хорошенькой курточке и забавной шапочке истерически требует у мамы подозрительное сооружение на палочке, зловеще оцетинившееся у кассы.

— Да заткнёшься ты наконец?! — шипит та в ответ. — Вот взяла же НОРМАЛЬНЫЕ конфеты! Не буду я тебе это говно в сахаре покупать. Всё. У нас денег нет!

— Ты дур-р-ра! — рычит басом «ангелочек». — Мама — дур-

ра! И жадина! Я всё бабушке расскажу про то, что ты меня не кор-р-рмишь!!! И никогда ничего мне не покупа-а-а-ешь!!!

[– Александра, ребёнок совершенно меня не слушается! Обзывается, совсем отбился от рук! Я уже и говорила, и наказывала... У других – дети как дети. У соседей-алкашей – прелесть, а не ребёнок. За хлебом ходит. В одной курточке и зимой и летом. А тут? Всё есть, любой каприз. И что в ответ?

– Что говорили? Как наказывали? Какие именно «любые капризы»? Что конкретно «в ответ»?

– Ну, как обычно. Что так нельзя. По попе пару раз шлёпала. Не сильно, конечно. Покупаем, на что пальцем ткнёт. А он недавно меня дурой при гостях назвал. Ладно, когда мы одни...

– Подробно, пожалуйста, что значит «как обычно». И ваш обычный день с мальшом – от и до.

– Ну...]

– Ай-яй-яй! Нельзя так с мамой разговаривать! Сейчас позову дядю милиционера, он тебя в тюрьму заберёт! – вклинивается драповое пальто средне-поношенных лет. Малыш привычно, не обращая внимания, продолжает теревить «маму-дуру».

– Своих милиционерами пугайте! – выплёскивает та раздражение на «воспитательницу». – Что за манера к чужим

детям лезть?!

– Вот потому тюрьмы и переполнены, – сжимает тётка и без того узкие губы в тугую прорезь. – И мат-перемат кругом!

– Чё-та не нравится, нах? – интересуется прыщавый у оскорблённой праведницы. Глаза нехорошо блестят.

– Я не вам, молодой человек, я обо всём вашем поколении.

– Чо, нах? – без злобы. Он не понимает «обо всё поколение».

– Дура! – гундосит тем временем себе под нос оскорблённая посторонним вмешательством мать.

– Тётка – дур-ра! – вторит из-за спины малолетний отпрыск, явно гордящийся недавно освоенной настоящей взрослой «эр», – саму тебя в милицию к дядькам, чтобы по жопе надавали! Я про тебя бабушке расскажу. Она придёт и тебе как даст!

Мама уже покупает ему хищную лиловую лошадь с зелёной гривой стегоцефала. Ту самую, на палочке. Тётка, обращаясь в пространство, говорит:

– А потом плачут!

Пространство остаётся немо.

– Нет, ну вы посмотрите! – взывает тётка к стоящим сзади прыщавым уже как к последней надежде.

Они не хотят смотреть. Никто не хочет. Все смотрят на вакуумные упаковки. На них написано много интересного о составе, калорийности, сроке годности и совсем нет глупо-

стей про «поколения». Особенно про поколения чужих детей, по которым «тюрьма плачет». Равно как и про чужих невоспитанных никому не нужных тёток.

– За собой смотри! – на прощанье кидает ей мамаша.

«Точно! Излечи себя сам...»

Кассирша в очередной раз нажимает кнопку транспортёра. Тёткины банки с кошачьей едой и дешёвой туалетной бумагой подъезжают и подвергаются нервному сканированию. Тётка, забыв «обо всём поколении», напряжённо наблюдает за меняющимися с каждым кликом цифрами на мониторе.

Персонал универсама неласков, выкладка товаров на полках – достойна лучших порицаний. В кулинарном отделе неопрятные дебелие женщины, неотличимые, как коммунальные тараканы-альбиносы, набирают алюминиевыми черпаками салаты, приготовленные из нашинкованного чего-то с чем-то и майонеза. Из чего именно – невозможно прочитать на длинных бумажных лентах, прикрепленных к прилавку скотчем, – слишком мелкий шрифт. Зато сверху крупно: ЧП «Гурман».

«Ха! Бутик «Вантуз» В натуре!»

Убогая старушка внимательнейшим образом изучает состав салатов, но так ничего и не просит взвесить. Продавщи-

цы смотрят на неё сочувственно-брезгливо.

– Бабушка, давайте я вам немного положу всего. Винегрета могу хоть килограмм, у него уже почти срок годности вышел. Просто так. Ценник не буду клеить.

– Сама ты бабушка! Свиным кормишь свой просроченный винегрет, – отвечает старуха и, царственно направив скрюченный перст на один из лучших сортов карбоната, приказывает, – сто граммов!

В глазах торговой работницы стоят слёзы обиды за Христа. А фарисеям... в смысле – покупателям, хотевшим прикупить полкило оливье или триста граммов мазилки «Нежность», плевать:

– Девушка, можно вас?!

– Женщина, будьте любезны!..

– Вы продавец или тут вместо чучела огородного торчите?

– Постояли бы тут, поломались за эту зарплату! Так ещё и обхамить каждый норовит! – гремит в ответ «пострадавшая». Подруги одобрительно шипят хором, выстраиваясь за её спиной в боевую «свинью».

– Да что вы внимание обращаете! Это ж мировая бабка! Всегда по сто грамм. Зато самого вкусенького, – весёлый добродушный молодой мужчина. Из вечных середнячков. Капуста «Провансаль». Мясо по-французски.

«Интересно, в сковороде разогревает или в микроволновке?»

Виски от трёхсот рэ за стакан и выше – за стеклом под замком. Приобретение его в собственность – дело непростое.

– «Тичерс», пожалуйста.

– Чито? – плохо говорит по-русски.

– Вот это! – тыкает пальцем.

– Нада дижурный по зала! – испуганно убегает.

Минуты три проходят в надежде. Минут пять – в отчаянии. Потом приходит понимание и, как следствие, – смирение. Привычно обежав всех Людмил, Марин и даже Василис, разыскивает, наконец, искомую «ключницу» Эллу или Стелу. Та занимается важным делом – отрешённо созерцает, как откровенно неславянского происхождения уборщица размазывает замурзанной тряпкой слякоть по полу.

– Подождите!

Ещё три минуты спустя:

– Первая касса.

– Вы боитесь, что я её выпью прямо тут? – как-то неуверенно шутит.

– У нас такие правила!

Ещё пару минут спустя:

– Вот этой икры, пожалуйста.

– Вторая касса!

– ... А у меня там... на первой...

– Первая касса!!!

«Чувство оскорблённого достоинства – вещь, конечно же, крайне необходимая человеку, но... выпить-то хоц-ца ещё крайнее!»

Каждый раз, выходя из магазина, Сашка чувствовала себя измождённой. Ещё бы! Ведь это именно она регулярно покупала тут плоскую фляжку «Тичерса», баночку красной икры и сигареты. Никогда не угадывая с кассой.

Пока те доставляли, передавали и переговаривались, Сашку кто-нибудь непременно больно толкал в зад гружёной телегой с тушёнкой и стиральным порошком. Или просто – локтём в бок.

«Почему они всё время должны быть плечом к плечу? Ненавидят друг друга, но сближаются до плотного физического контакта? Что за люди?»

[– Я кинестетик, понимаете, Александра?

– А я – всё сразу, понимаете?

– Это вы должны меня понимать. Я у вас на приёме и плачу вам деньги.

– Как кинестетик кинестетика, вы должны меня понять как никто другой – мне неприятны ваши деньги. На ощупь. Как визуалу, вы мне неприятны на вид. Как аудиалу – на слух. Вы отвратительны всем моим пяти чувствам: попробуй я вас на вкус, меня бы стошнило; а пахнете вы средней

паршивости одеколоном, не спасающим от крайне неприятного запаха вашего тела. Нет, не немытого тела, а просто – ваш собственный запах. И особенно, поверьте, вы неприятны шестому. Моё шестое чувство испытывает гадливость, воспринимая вас светящимся яйцом. Тухлым. Что можно изменить в тухлом светящемся яйце?

– А, понимаю! Это уже часть терапии...

– Вам решать...]

Как раз сегодня вечером Сашку втолкнули в личное пространство к «мировой бабке», стоявшей к кассе с очередными ста граммами какого-то «деликатеса». Сашка от ужаса даже зажмурилась. Но – нет. Старуха хорошо пахла. И не ударила Сашку током. И не покусала. А одобрительно улыбнулась.

– Вы недавно живёте в этом убогом доме, юная леди? – обратилась она к ней. – Я иногда вижу вас у второго подъезда. Если такая, как вы, здесь не живёт, то делать ей тут абсолютно нечего, не так ли?

Сашка кивнула сразу всему.

– Будет совсем невмоготу, заходите. Первый подъезд, второй этаж, третья квартира. Ефросинья Филипповна Югова.

– Спасибо! Обязательно зайду... А можно сегодня? Александра Александровна Ларионова, – искренне поблагодарила-напросилась-представилась Сашка, вынув руки из карманов. С этой старухой почему-то неудобно было разговари-

вать, пряча руки. А в очереди было неловко стоять в вызывающе недешёвом пиджаке и с пустыми руками. Бутылка, жестянка и сигареты – там. Не в руках.

Такие правила.

– Нет, дорогая. Сегодня я беседую с кладбищем! – величественно изрекла Ефросинья Филипповна. – Заходите завтра!

– Правда? – изумилась Сашка. – Я тоже с ним беседую. Не со всем, конечно. Только с некоторыми. У меня даже есть любимый покойник.

– Вот завтра вечером милости прошу. Поболтаем. Сашка покинула личное пространство старухи.

Очередь дружно сливается в негласном порыве осуждения.

Не такие.

– Вы любите сёмгу, Ефросинья Филипповна? – на прощание интересуется Сашка.

– Да, деточка. Под сто грамм – с удовольствием!

Второй подъезд, седьмой этаж, входная дверь. За дверью человек Сашкиной комплекции – рост один метр семьдесят сантиметров, вес – пятьдесят килограмм – может более-менее комфортно снять пальто и обувь. Наверняка где-нибудь в чертежах эта первая пядь жилища гордо именуется «холлом», на крайний случай – «коридором». А по факту доре-

волюционных привычек являлась (и является) «прихожей». Для прохожих, пришлых, проходимцев... да для кого угодно. Только не для хозяина.

Такие правила.

Сразу слева – совмещённый санузел.

«Как они втыкаются в унитаз, если и тебе, в буквальном смысле, приходится туго?»

Прямо – кухня.

«Размером с дачный камин Сергея Валентиновича...»

Справа – комната.

«Куда меньше Вовкиной гардеробной...»

И насквозь у всех во все стороны – стены, стены, стены... И двери. Множество дверей, ведущих в одно и то же.

«Интересно, в какую сторону они открываются у них? И если они открываются, то как в коробку из-под холодильника поставить ещё что-то, кроме холодильника?.. А, точно! Старая детская загадка: «Как в три захода положить в холодильник жирафа?» Очень просто: 1. Открыть холодильник.

2. Положить жирафа. 3. Закрыть холодильник».

С соседями снизу Сашка познакомилась, когда у неё впервые вылетели пробки. Тогда же она впервые узнала, что означает данное словосочетание не в переносном смысле. Прежде бытовые проблемы подобного уровня её не касались. Почти. А если касались, то это было столкновение материи и антиматерии. Нет, конечно, в детстве она не раз слышала и от папы и от деда это волшебное: «Вылетели пробки!» Но это тогда. Давно. Так давно, как будто Сашка живёт целую вечность. А в этой Вовкиной квартирке-картинке вдруг стало темно *сейчас*. И не было ни папы, ни деда. Никого, кто мог бы её тьму превратить в свет каким-нибудь элементарным исконно мужским действием.

«Есть женщины в русских селеньях... Хорошо им было, этим женщинам. Когда в русских селеньях не было лампочек. Интересно, а мужики в русских селеньях были? Или только женщины?.. Русские селенья амазонок... Основным смыслом жизни «русских амазонок» была остановка коня на скаку, вход в горящую избу и подарение рублим. Не замечали замечательных женщин из русских селений только слепые. А зрячие о них, в основном, говорили. Делать хоть что-нибудь с женщиной русского селения или тем более *для* женщины русского селения и слепым и зрячим было лень. Всё вышеизложенное для женщин русских селений, от посёлков

городского типа до мегаполисов, остаётся актуальным по сей день...»

Сашка вышла на балкон, огляделась – в соседних окнах горел свет. Вернулась. С декоративной свечой в руке она осмотрела стены прихожей – ничего похожего на этот... Как его... Счётчик? Трансформатор?..

Муж был так себе муж, но этими вопросами Сашку не грузил. Электрика вызывал. У мужа была телефонная книжка. В телефонной книжке были записаны номера сантехников, электриков, интернет-провайдеров, врачей-травматологов, «Лидия Ивановна – зубы» и прочие волшебные коды, вызывающие из пространства джиннов с нужной услугой. С их, джиннов, помощью можно было получить ночью пиццу на дом или, например, слесаря, если дверь не открывается. Зубы у Сашки не болели, пиццу она не ела даже днём, а однажды, когда она не смогла открыть дверной замок и позвонила мужу, он на неё наорал, вместо того чтобы набрать циферки известного ему кода доступа к услуге. Сашка пошла к соседям пожаловаться на судьбу и просто выпить кофе. Соседи кофе не предложили, зато, набрав в поисковике суть проблемы, быстро нашли контору профильных джиннов, которые и примчались с инструментом через полчаса. Раскурочили замок, оставив в двери огромную зияющую дыру. Затем потребовали у Сашки паспорт и документы на недвижимость. Паспорт лежал у неё в сумочке, а бумажки на пра-

во собственности – у мужа в сейфе. Код ей был неизвестен. Джинны скривились, что-то ныли про *правила* и собирались вызывать милицию. Один из них даже отчитал Сашку:

– Что это за жена такая, если ей муж не доверяет?!

Сашке было стыдно. Действительно, что это она за жена такая?! Попросила вскрыть дом, якобы свой. В паспорте – прописка по совсем другому адресу. В доме – сейф, код которого ей неизвестен. В недоступном сейфе – документы на собственность. На фамилию мужа. Совсем другую, к слову, фамилию. Не Сашкину. Она оставила себе девичью. Муж не возражал. И Сашка сказала джиннам из Интернета:

– Не надо милиции. Вот, смотрите, фотография. Там я. В белом платье, видите? А этот мужчина рядом – мой муж. Стал бы чужой человек вешать на стену фотографию посторонней женщины? Особенно в белой фате. Мы тут улыбаемся, потому что женимся. Это наша свадьба. На свадьбах всем весело. После бывает по-разному, но сначала всем весело. Хотя ближе к вечеру мне было уже не очень. Мне стало немного страшно от того, что с этим человеком я должна прожить всю свою жизнь. Правда, это немного страшно? В книгах иногда пишут, что не страшно. Мол, встретились – и сразу поняли, что это навсегда. У меня такого понимания не было, но он был хороший парень. Тогда мне казалось – взрослый мужчина. И я подумала, что ждать понимания можно всю жизнь. И не дожидаться. А «хороший парень», к тому же сразу взрослый мужчина, – вот он. Так почему

бы нет? Я как-то написала статью «Неудачные последствия удачного брака». Там я сперва уговариваю целевую аудиторию, как всё будет распрекрасно, если научиться идти на компромисс, а потом доказываю, что на компромисс нельзя идти ни в коем случае. А главред статью зарубила, хотя я один из самых читаемых авторов этого журнала. «Самая семейная психология», не слышали?.. Это ж глянец... Так вот, главный редактор сказала: «Курочка, этим дурам надо гладко. Без противоречий. Наше издание заточено под семью изо всех сил. Другое – под изо всех сил одиноко одиноких одиночек. А это – ни туда ни сюда, прости. Хотя написано, конечно, здорово. Тебе просто надо взять тайм-аут. Или книгу напиши, я помогу пристроить. Что-нибудь вроде: «Как выжить после бракосочетания» или «Альфа-одиночество бета-самцов». Она вообще тётка с юмором. Гонорар, правда, перечислила... Извините, вам это неинтересно. Я отвлеклась, – Сашка чувствовала себя глупо. Она очень часто именно так себя и чувствовала.

Джинны смотрели на Сашку и на фотографию. На Сашку. На фотографию. На Сашку. На фотографию. Сашка улыбнулась. Сверили. Идентифицировали. Помолчали для проформы и...

– А вдруг это ваш бывший муж? Фотографию просто снять не успел. Или вообще не замечает. Знаете, как это бывает? Живёшь-живёшь – и не замечаешь.

– Чего именно не замечаешь, когда «живёшь-живёшь»? –

заинтересовалась Сашка.

– Да всего! Всего, что *постоянно* вокруг. Вот, фотографии на стене. У меня, например, очень долго на стене висела фотография бывшей жены, да ещё и, pardon, без штанов. Года два как развелись, она съехала, квартира-то моя ещё до брака была, так что хрен ей. А фотография висела и висела. Я и забыл, что она там прикреплена. Как старая чашка. Вы сильно замечаете старую чашку? Вот так же и с фотографиями бывших жён. Я и внимания никакого не обращал. Это как пыль. Её замечаешь, когда гости приходят. Вот я, наконец, барышню в дом привёл. Посидели-поговорили. Выпили-полюбили. А вы, дамочки, такие. Если секс был на мужской территории – всё! Пиши-пропало. Она мою рубашку нацепила и давай по квартире шастать, полноценную хозяйку изображать. И вдруг, слёзы, сопли-вопли. Что такое?! Она на стене фотографию бывшей с голыми ногами узрела. А я её и не замечал. Вот так-то! Снял, конечно, чего барышню обижать. К тому же эта заметила, значит, и другие увидят. Буду я каждый раз себе праздник портить из-за старой чашки. Фотографию снял – на обоях пятно. Вокруг выцвели, а под фотографией – тёмный прямоугольник. Сперва замечал. Думал даже обои переклеить. А потом перестал думать – привык. Вот и ваш, может, забыл фотку снять, потому что привык. И не замечает. Пока до баб дело ещё не дошло. Или у него бабы спокойные. Хотя, нет. Баб спокойных не бывает...

– Вы же видели мой паспорт! У меня там нет штампа о разводе, – прервала Сашка рассуждения джинна, грозившие стать ещё более пространными.

«Джинн-психолог с кайлом наперевес. Разумные вещи говорит. Очевидные. Очам видное – всегда откровение. Потому что перед носом...»

– Так, может, вы ещё официально не развелись. А так... Разбежались-разъехались. Вот фотка и висит. Баб или ещё не водит или проституток вызывает – тем всё равно, что у кого как висит. Или даже, предположим, он переживает, что вы разбежались... – сочувственно продолжил джинн-психолог.

– Давайте, я его наберу, и он вам всё скажет, – предложила Сашка.

Мобильный мужа был отключен. Абонент временно положил болт на Сашкины проблемы. С ним периодически случались приступы под кодовым названием: «Пора тебя научить жить!»

– Ну, мы, дамочка, обязаны позвонить в милицию, а то хозяин нас с работы попрёт, если что. Или ещё свидетелем по делу проходить, тоже, знаете ли, не самое приятное занятие. Так что простите...

Двое других мялись. Третий пламенно говорил об уголовном кодексе и неприкосновенности жилища. Пока до Саш-

ки не дошло, в чём тут дело. Для любой другой это было бы сразу понятно. Любая другая моментально бы избавила себя от поучений недоделанных джиннов. У любой другой, скорее всего, ключ не застрял бы намертво в замке...

«Нормальная «любая другая» дождалась бы *понимания* и *приятия*, даже если бы на это ушла вся жизнь. Поэтому все мы – ненормальные, угрюмо бредущие лабиринтами индивидуального сознания, архетипических содержаний и дисгармоничных отношений. Не замечая, что заборчик-то плёвый: ножку задери и переступи, если уж перепрыгивать *не по правилам*. Но нет же! Лучше мириться со знакомым злом, чем бегством к незнакомому стремиться. Так всех нас в трусов превращает мысль. Прав коллективный психоневротик Шекспир. Особенно мысль, красиво упакованная в формулировку и скормленная коллективному бессознательному под видом теоретического деликатеса. Как отличить серую белужью икру от чипсов «со вкусом серой белужьей икры», особенно если первую настоящий коллектив никогда не пробовал, а коллективное прошлое покрыто бессознательным мраком неизлечимой амнезии?»

...Сашка порылась в сумочке – и протянула сумму вдвое больше оговоренной. Поучения резко прекратились, деньги растворились в складках красно-жёлтого «хитона» со слоганом на спине: «Не можете ни выйти, ни войти? Ваш Осво-

бодитель уже в пути!» Следом в дымке от жжёного металла растворились и сами джинны. «Если вы здесь затем, зачем вы здесь, а не потому, что живёте, то мы и знать вас не знаем!» – донеслось напоследок.

– И квитанцию не выписали, – с порога сообщила Сашка вернувшемуся поздно вечером мужу. Он как раз раскрыл рот по поводу дыры в двери. – У них на хитонах была дурацкая надпись.

– У кого? – он ненадолго захлопнул пасть.

– У джиннов-освободителей.

– Ты совсем тронулась.

Понятно, что муж всё равно проорал положенное. И про Сашкину безалаберность. И про её транжирство. И про «тотальный кретинизм» дурацкой Сашкиной натуры. И, конечно же, о её профнепригодности, из-за которой она бросила высокооплачиваемую не-бей-лежачую работу и подалась в какие-то клоунессы на полный рабочий день с фиксированным, а следовательно, убогим жалованьем!

– «Не бей лежачего»?! Да ты бы хоть раз попробовал слушать и слушать гигабайты чужого всего! Большой частью – малоприятного. Ты за столько лет так и не понял единственно важного: я сверхчувствительный приёмник. Я часто ломаюсь, понимаешь? Я всё время больна. Мне плохо. Они от меня уходят довольные, а я блюю в туалете.

– Лень. И ненужная рефлексия. Уж тебе-то не знать.

– Посмотри «Зелёную милю». Читать же ты не любишь, – с готовностью отзывалась Сашка, – тогда, может, хоть издалека, безо всяких первых приближений, поймёшь, каково мне бывает. Там наглядно. Для таких, как ты.

– О! Так ты негр-дебил, а не блондинка-интеллектуалка. Прости, как я сразу не догадался!

– Смотрел, значит... а не скажешь. Я порекомендую вас, молодой человек, своей хорошей знакомой – я вашим психотерапевтом быть, к счастью, не имею возможности.

И разгорался самый что ни на есть обыкновенный скандал. Управляемый Сашкой по своему желанию в амплитуде от садистского удовольствия до вполне искренней обиды. Любой, даже самый талантливый психолог – всего лишь человек.

Такие правила.

Хорошо ещё, что она ни разу самостоятельно не вызывала «специалистов по свету». Если от джиннов-металлистов осталась всего лишь дыра, то от этих могло остаться пепелище. Если в доме что-то не ладилось с электричеством, Сашка не сильно переживала. Приедет муж с работы – разберётся. А ей всегда есть чем заняться даже в темноте. Например, можно забраться под одеяло и бояться. Да и не сильно часто гас свет. Электрический. Она почти не помнит, чтобы он гас. Во всяком случае, надолго.

Поэтому сейчас Сашка ещё немного посидела в темноте

крохотной квартирке.

Свет не появлялся. Это было нехорошо.

Хуже только всю ночь бояться под одеялом именно здесь, в этой квартирке. У неё уже давно бессонница. Ей надо или читать вслух, или флиртовать в Интернете, или музыку. А для этого нужен свет. Электрический.

Сашка высунулась на площадку – квёлая лампочка, та, которой так не хватало женщинам в селениях, создавала иллюзию видимости лестничной клетки. Слева громоздились какие-то ящики и ящички. Внизу – плоские, большие, покрашенные жуткой тёмно-зелёной краской. Чуть выше – чёрные, слегка выдающиеся из стены, пыльные. Сашка вынесла табуретку, взгромоздилась на неё, и стала рассматривать таинственные формации. На них были навесные замки. В первых – плоских – судя по виднеющимся в прорезях цифрам – и были счётчики.

«Вот, кажется, именно в них и надо что-то сделать. Нажать чёрную кнопку в белом цилиндре. Или белую в чёрном? Кажется, когда вылетали пробки, те, что в детстве, до пробок от шампанского, до мужа и до всего, что случилось, дед и папа так и делали...»

Сашка спрыгнула с табуретки и внимательно осмотрелась – впервые за второй месяц проживания в этом доме. Раньше она просто тенью проскальзывала в *полусвою* обитель, за-

крывала дверь на замок, набрасывала цепочку и только тогда чувствовала себя в относительной безопасности. Чуждые ей пейзажи, запахи и звуки гнали её на седьмой этаж быстрее всякого лифта. Она скорее прогулялась бы голой по центральным улицам ночного города, чем села в наглухо задранный скафандр в этот так называемый лифт. Тем более он большую часть времени не работал. Внешние створки сего блага цивилизации на всех этажах были покрыты схематичными изображениями женских и мужских половых органов, нанесенных, судя по художественной манере, одной и той же рукой. На всякий случай, паче чаяния кто не разберёт, что именно изображает подъездная живопись, «супрематист» рядом оставлял надписи, умудряясь делать даже в слове из трёх букв ошибки.

«Ага! «Казимирь Малевичь, «Хуйь с яйцами». 2000–2001. Дерьмом души по случайной плоскости...»

Сашка позвонила в дверь, что слева. Просто потому, что она была самой приличной с виду. Ну, не считая, конечно, Сашкиной. Дверь квартиры, где она сейчас проживала, по меркам этого дома была вызывающе помпезной.

Та, соседская, как-то слишком быстро распахнулась. Чуть ли не сразу после нажатия на пимпочку звонка.

«В этой стране бдительность – необходимое условие вы-

живания!»

– Ой! – пискнула Сашка от неожиданности. – Здравствуй-те! – добавила следом солидным басом.

– Здрасьте, – недружелюбно поприветствовала её растрёпанная оплывшая баба в засаленном халате, заполонившая собою дверной проём. Пузо у неё было мокрое, в руках – кухонный нож. Судя по всему, не для остратки, а просто орудие текущего производства. Хотя иди-знай.

– Чего надо? Ты кто такая? – она осмотрела Сашку с ног до головы в лучшей традиции нарывающихся деревенских подростков.

– Простите, – Сашка только сейчас осознала, что торчит посреди загаженной общественной собственности с ароматической свечой в руках и в легкомысленной пижаме.

«По меркам этой, по всей видимости, матери-командирши большого пролетарского семейства скорее в купальнике... «– Ты кто? – Фея! – А чего с топором? – Да что-то настроение не очень...» Санечка, заткни фонтан!»

– Извините, – она поспешно задула свечу и спрятала её за спину. – Я ваша соседка, Александра, из этой квартиры. – Сашка ткнула пальцем в направлении своей двери, и тут же страшно застеснялась французского маникюра.

– А-а-а... – понимающе протянула баба. И тоже спрятала

за спину нож. – И давно? – представляться в ответ она явно не собиралась.

– Уже больше месяца.

– Ну?..

– И у меня там... свет погас.

– И что? – соседка явно не отличалась быстротой мышления.

– А что с этим делать, – Саша кивнула головой в сторону коробок, – я не знаю. Даже ключей, чтобы открыть, нет.

– Щас, – соседка захлопнула дверь.

Александра облегчённо вздохнула. Атмосфера затхлого неухоженного подъезда была куда более адаптирована под Сашкины лёгкие и кровь, чем запах чужого жилища. Оттуда несло старческой хворью, кислятиной, хозяйственным мылом, перегаром, немывтыми телами, концентрированными подростковыми гормонами и протухшими тапками. Но всё равно, пусть пахнет. Потому что она снова может различать гамму запахов. И эта гамма снова хроматическая. И хотя пропадало это ненадолго, а вернулось – достаточно давно, Сашка ощущала непреходящую радость.

– На! – дверь снова распахнулась. – На первый раз. А так – свои надо иметь.

– Спасибо! – она взяла из тёплой мокрой и шершавой руки холодный ключ. Прямо за промасленные бороздки. Это было приятно. Тёплое и холодное. Шершавое и тонко ребристое.

– Простите ещё раз! – отчаянно взвизгнула Сашка и чуть не закрыла глаза от страха перед собственной наглостью, но отступать было некуда. Позади – крошечная темнота крохотной квартирки. – А ваш... муж дома? Я совершенно не знаю, что с этим делать. Даже если открою...

– Муж на работе, – неожиданно спокойно и даже миролюбиво сказала баба. – Он сутки через трое. Давай, я посмотрю.

Баба ловко, явно не в первый раз, раскрыла дверцы в большую коробку, что-то там некоторое время разглядывала и даже во что-то потыкала толстыми распаренными пальцами. Ногти у неё были неухоженные, неровные, слоющиеся. Но ей, судя по всему, было наплевать.

«Наверное, она добрая. Хорошая, добрая женщина. Жена и мать. И ей совершенно не нужен французский маникюр. И татуировка на плече ни к чему. Она умеет сворачивать голубцы, фаршировать красивые упругие болгарские перцы и знает, на какие кнопки нажимать в этих цилиндрах. Ещё она, наверняка, умеет гладить мужские брюки. А ты – нет. Она умеет тысячу вещей, эта сноровистая рыхлая женщина из многоклеточных поселений русских подъездов...»

– Эй!.. Ну что?

– Не знаю, – Сашка пожала плечами.

– Да к себе загляни, балда!

– Что, посмотреть в квартире?

– Нет, у негра в заднице! – баба смотрела на Сашку как на слабоумную. – Свет зажётся?!

– А! – та метнулась к двери, приоткрыла... – Нет. Темно.

– Тут не в щитке дело. Это где-то там, в распределителе, – она показала Сашке на чёрные пыльные ящики. – Я в них не разбираюсь. Там провода, электричество, я его боюсь. Сходи к Алексею. Это под тобой. Только оденься, у него жена молодая. Если так припрёшься – в трусах и лифчике, она его с тобой не пустит... Я бы точно не пустила.

– Это пижама, – попыталась оправдаться Сашка, – и спасибо вам огромное. Не знаю, что бы я делала...

– Пижама – это у моего отца. Ночнушка – у матери. А это, что на тебе, – трусы. И лифчик. Только зачем тебе такой здоровый лифчик, если сисек нет совсем? – хмыкнула баба. – В общем, ключи от щитка бери. Только себе сделай, а то ещё потеряешь. Меня Лариса зовут, – всё-таки представилась она на прощанье и захлопнула дверь.

Сашка вернулась к себе, надела джинсы и свободную старую рубаху, взлохматила волосы и, решив, что выглядит достаточно непрезентабельно, чтобы быть одобренной молодой женой Алексея, отправилась вниз.

«Да. У тебя действительно нет сисек, а только аккуратная маленькая грудь. Так что семейная жизнь соседей снизу в безопасности!»

Дверь открыли нескоро. В ответ на звонок первыми раздались истошные младенческие вопли. Слышимость в этом доме была отменная. Затем: «Проснись, хряк! Не слышишь? Звонят!» Сашка подумывала уже убираться восвояси, но тут на пороге появился заспанный мужик в трусах и, нисколько не церемонясь, начал почёсывать промежность, глядя на незнакомую визитёршу. Из квартирки, кроме незатихающих «уа-уа», нёсся тонкий девичий голосок:

– Кого там носит, мать-перемать?! Только укачала, в туда-сюда их! Если это твои дружки, порешу на это самое, в это самое их этим самым!!!

Мужик вышел на площадку и прикрыл дверь.

– Простите, – зашептала Сашка, заморожено глядя, как весьма внушительное «это самое» у мужика восстаёт с пугающей скоростью. – Я ваша соседка сверху, – она подняла палец для пущей убедительности. – У меня вылетели пробки или что-то в этом роде, но дело, похоже, в «распределителе», – уверенно выговорила она новое для неё слово, – Лариса в них лезть боится, а муж её на работе, сутки через трое. Вот... Меня зовут Александра.

– Лёха.

Мужик взирал на Сашку, как сибиряк, впервые уже в зрелом возрасте увидавший живого жирафа. Да ещё и говорящего.

«В рифму... На африкаанс. «Здравствуйте! Я – уитлен-

дер. Но я вовсе не против рабства. Напротив... Разве кто-нибудь будет против, если рухнет основа твоя? И за дверью в мире напротив мы окажемся – ты или...»

– Ну, и кого там черти носят? – за спиной у эрегированного Алексея-Лёхи возникла девушка, очень похожая на соседку слева. Только моложе лет на десять-пятнадцать. Может, двадцать. Сашка совсем не разбиралась в *их* возрастах.

– Здравсьте, – сказала похожая девушка, вложив в это нехитрое приветствие как можно больше презрения к незнакомке. На всякий случай.

«Такие правила!»

– Я ваша соседка сверху... – обречённо начала Сашка, чуя, что помощь Алексея ей не обломится.

– Это... У неё пробки вышибло. Она из той квартиры, наверху, – помог Сашке Лёха.

– А-а-а... – промычала его супруга. – Ну-ну.

– Чего нукаешь, не запрягала! – он вдруг рявкнул. – Пойду, помогу. Вишь, тяжело бабе без мужика. А ты меня не бережешь! Вот сдохну, что будешь делать, звезда с ушами?!

– Уа-уа-уа!! – опомнился в глубине берлоги затихший было младенец.

– Тебе бы только шляться, – завизжала молодая жена, – как дома что-то помочь, так не допросишься! Стоит кому-то

прискакать – так ты первый в очереди. На хрен ты мне сдался, такой мужик, в жопу вжик! Дохни уже скорее, я себе нормального найду!

– Ты себе найдёшь, кобыла?! Оловянного солдатика у деревянного камня на берегу сухого озера! Кому ты сдалась, жирная свинья? Смотри, какие бабы уже, поди, все окрестности обшарили, а пробки некому починить, – он кивнул в сторону онемевшей Сашки. У неё совершенно не было опыта поведения в подобных ситуациях, хотя она прошла не один тренинг по бихевиористике, в том числе – экстремальной.

– Какие бабы? Это баба?! Это курица дохлая. Скелет в штанах!

– Неправда! – возмутилась Сашка. – Мне до анорексии далеко. Я даже не слишком-то и худая по нынешним меркам. У меня даже живот есть, вот, – Сашка выпятила вперёд корпус, чтобы успокоить молодую мать. – А вы не волнуйтесь, вы обязательно похудеете. Во время беременности и родов все поправляются, – на Сашку напал приступ нервической болтливости. Она не знала, что говорить...

«Молчать? Уйти?.. А свет?!»

– Я ещё и грудью кормлю, – вдруг спокойно вздохнула Лёхина жена. – Слышь, соседка сверху, через пятнадцать минут его не будет – лучше бы тебе на свет не родиться. Поняла, сука тощая? – беззлобно сказала она прямо в Сашку,

сверкнув весёлыми глазами, и захлопнула дверь.

«Это у них такая манера, да?.. Да. *Это у них такая манера.* Они ведь не на самом деле ругаются... Они так живут! И не замечают, как... старую фотографию. Потом – не замечают тёмное пятно на обоях. Это такая разновидность любви. Мат-перемат без злости. Скандалы без повода. Просто такая среда, и они в ней как рыбы в воде. Вот этот Лёха-Алексей и жена его – крепкая ячейка общества, с правами и обязанностями, созданная на основе взаимной любви и уважения, ага? Такая же, какая была у тебя, да? А какая разница – матом ругаться или филигранной словесностью издеваться? Так эти поругались – и в койку... Да наверняка! А вы месяцами могли молчать, какие там койки! Так что у них – лучше. С первого взгляда и до последнего вздоха...»

Сосед Алексей, как был, с неуклюже топорщившимся в трусах членом, так и остался на лестничной клетке. Они с Сашкой смотрели друг на друга. Она – недоумённо. Он – точно так, как только что смотрела его жена – вроде индифферентно, но со смешинкой. И даже, пожалуй, одобрительно. Или, может, с восхищением?.. Нет. Со смешанным чувством...

«Как папуас на граммофон!»

Пауза затягивалась.

– Не высыпается, – заговорил первым сосед Лёха, – ребёнок мало#й. Девочка. Анжела, – в голосе его была нежность. – День с ночью попутала, так моя уже и очумела вконец. Родни-то нет, чтобы помочь. Жена – сирота... слава богу. У тётки жила, как палка в колесе. Мать умерла, отца никогда не было, а у тётки своих трое. В детдом не сдала – и на том спасибо. Не обращай внимания, соседка. Она добрая. Просто собачится. Если щенка бить, он или сдохнет или огрызаться научится. Так-то она девка что надо. Всегда на помощь придёт, если что. Психованная только. Ну что, пошли свет добывать, что ли, соседка? – хохотнул он.

«Анжела. В таком антураже – и Анжела. Ну, хорошо хоть не Матильда. Что за страсть у этой публики к экзотическим именам? Марианна вместо Маши или Марины. Анжела, когда уместнее Лена или Лариса. Кристины вот ещё... Княжеское имя. Кристина Пердыщенко. И Анжела эта наверняка какая-нибудь Петренко...»

– А как ваша фамилия? – вопрос вырвался произвольно некстати.

– А тебе зачем?.. Ну, Хлебниковы.

«Надо же. Посоветовать ему, что ли, сына назвать Вели-миром?»

– Может, вы оденетесь? Чтобы удобнее смотреть в «распределитель». Ну, и чтобы вы не замёрзли, – сменила Сашка тему.

– Бля! – похоже, мужик только заметил, в какой он амуниции – жарко. Август. Даже вечерами душно. – Дверь открой, коровище! – негромко сказал он в сторону двери.

Та сразу распахнулась, и в него пульнули ветхим застиранным подобием спортивного костюма.

– Отвёртку дай, мать-перемать. Не, ну что за человек? – последний вопрос, судя по всему, риторический, был обращён к Сашке. Та в ответ пожала плечами и скорчила извиняющуюся гримасу.

Из-за двери выставили аккуратный фирменный чемоданчик с инструментами.

– Она у меня всё знает, всё умеет! Золото, а не жена! А уж мать какая Анжелке – золото! Чистое золото. Всю ночь на руках носит, воду в ванночке термометром проверяет. Я раз локтём попробовал – так она мне чуть голову не снесла!

– Пиздюк! – раздалось из-за тоненьких дверей. – Всем всё и всегда-пожалуйста забесплатно. Только дома сарай и всё поломано!

Сашке такие высокие отношения были в диковинку. Она, кроме всего прочего, чувствовала себя разрушительницей домашнего очага. И немного идиоткой. Хотя нет. Много идиоткой. Совсем идиоткой. В голове крутилась песня «Корабль

уродов». И она, Александра Александровна Ларионова, сегодня – капитан этого корабля.

– Как зовут вашу жену?

– Ленка.

«Ну, какая разница, как зовут его жену? Тут почти всех зовут: «Эй, ты!» Тут никто не сидит напротив тебя в уютном кресле и не прилёт на кушетку. И тебе не надо обращаться к нему по имени, потому что это якобы располагает к доверительному общению. Нет ничего слаще для человека, чем звучание собственного имени. Полная ерунда. Ну, встретишь ты её как-нибудь случайно на лестнице и скажешь: «Здравствуйте, Лена!» – и она сразу проникнется доверием?.. Держи карман шире. Эта Ленка мимо пройдёт и не вспомнит, кто ты и что. Точнее – прекрасно вспомнит, потому и пройдёт. Вот нужно тебе её имя? Порабощение стереотипами. Но они прекрасны. Лёха, Ленка и Анжела. Нарочно не придумаешь. А придумаешь – скажут, что так не бывает...»

– Что у тебя включено было? – Лёха присел на табуретку, всё ещё стоящую у щитков, и закурил.

«Так, мужики, кропотливо работаем пять минут. И быстренько полчаса перекур!»

– Заходите, пожалуйста! – опомнилась Сашка.

– Ну, раз пожалуйста, то зайду.

– Только у меня темно! – предупредила она, пропуская его вперёд.

– Это я понял.

Сашка зажгла свечу.

– У меня работал чайник. Электрический. И стиральная машинка. Свет был включён везде, кроме ванной комнаты. Ну, и компьютер...

– Компьютер и свет – фигня. А вот чайник и машинка вместе – это не для нашей гнилой проводки.

– Да тут, в квартире, проводку, вроде, во время ремонта меняли...

– В квартире-то меняли, а вот в доме... Давай так, великий электрик, – ты тут, а я там. Будешь мне говорить, что, где и когда включится. Если включится, конечно.

Лёха вышел на лестничную клетку. Сашке был отчётливо слышен сквозь приоткрытую дверь его глухой матерок и прочие «производственные» звуки.

– Загорелся! – радостно выкрикнула Сашка.

– Где?

– На кухне... И в комнате.

– А сейчас?

– Сейчас погас.

– В ванной и коридоре свет у тебя уже включён?

– Ой, подождите, – Сашка щёлкнула выключателем. – А в коридоре у меня света нет. Потому что у меня стены почти

нет и этот, с позволения сказать, коридор так освещается. Из кухни. Или из комнаты. Межкомнатных дверей тоже нет.

– Вуаля! – сосед Лёха прыгнул с табуретки, и было слышно, как он хлопал руками по бёдрам.

«Ленка будет орать что-нибудь вроде: «Обстирываешь его, обстирываешь, а ему руки помыть в падлу, только об себя, говнюк, может обтрёхать!»»

– Готово, принимай работу, хозяйка. У тебя там провода в распределителе были перепутаны. Уж не знаю, кто постарался. Ремонтники или те, кто стиралку устанавливал.

«Хорошо, что в юности у тебя не было ни электрического чайника, ни мощной стиральной машинки с режимом сушки...»

Он зашёл в квартиру с табуреткой в руках.

– Ух ты! Какой здесь Париж! Как на картинке! – присвистнул Лёха, оглядев освещённое помещение. – Не то что наш сарай.

– Проходите, Алексей, – Сашка любезно пригласила своего спасителя на кухню, – только вот этот кусок стены не разрешили снести, потому что она несущая. Но этот фрагмент не мешает, напротив. Вдоль него можно бродить и думать.

– Ага. Там днём и ночью кот учёный всё ходит по цепи

кругом. Знаю!

– «Руслана и Людмилу»? – удивилась Сашка.

– Людмилу никакую не знаю, – тут же открестился Лёха. – А Русика со второго этажа – да. Отличный мужик. Запойный только.

– Понятно.

«Чудес не бывает. И учёных котов тоже. Только ты бродишь у чужой стены, задекорированной под крепостную, пока отличный мужик Русик, возможно, прямо сейчас заправляется сладостными «чернилами».

Лёха в два шага оказался на кухне.

– Не, ты гляди какая красота! Это ж сколько места лишнего получается. Я бы тоже так холодильник воткнул.

– Кстати, о холодильниках... – Сашка раскрыла маленькую стильную тумбочку со стеклянной дверцей. В стенке стоял одинокий питьевой йогурт и свысока другой полочки взиравшая на него бутылка чёрной водки. – Берите.

– Что сама не пьёшь? Херовая?.. Ишь, какая бутылка странная, стеклотара чёрная. Дорогая, наверное.

– Да нет. Говорят, хорошая. Просто я *такую* не пью. Сколько стоит – не знаю, мне подарили. Но, думаю, не очень дешёвая. И это не бутылка странная. Это водка действительно чёрная. Её давно пьют, не бойтесь.

– Ну, не опаснее нашей казёнки, так что...

– И вот ещё вам, за работу, – Сашка протянула ему купюру вполне приличного достоинства.

– Ты что, охерела, мать?! – словарный запас соседа тоже не поражал многообразием. – Я по-соседски, от всей души. Да там и дел-то на копейку. На будущее, чайник со стиралкой вместе не включай. На всякий случай. А где у тебя, кстати, машинка-то? – Лёха огляделся.

– Вот, – Сашка раскрыла одну из нижних тумбочек кухонной стенки.

– Шикарно. А посуду где хранишь?

– Да у меня особо и нет. Я тут почти не ем. Так... кофе, бутерброд.

– Да-а... Красиво жить не запретишь. Моя меня уже сожрала, что в кухне не повернёшься и кастрюли со сковородками нормально запихнуть некуда. Ей-то на троих готовить надо... – В его тоне сквозила жалость к жене и некоторое недовольство собой. – Не жаль тому мужику втюхивать столько бабок на ремонт хаты в нашем колхозном сарае? – резко сменил он тему.

У Сашки не было никакого желания обсуждать со славным парнем Лёхой, чего «тому мужику» жаль, а чего нет.

– Спасибо вам огромное, Алексей. Зря вы от денег отказываетесь, у вас же маленький ребёнок.

– Да иди ты в баню! – сделал вид, что надулся Лёха. – От водовки фильдеперсовой, конечно, не откажусь. Это, будем так считать, за знакомство проставилась. А фантиками

не раскидывайся – самой пригодятся. Студентка, поди?

Сашка расхохоталась.

– Благодарю за комплимент. Моё блаженное студенчество уже давно миновало. Хотя, конечно, сейчас возрастной ценз снят, и на очное обучение могут поступать даже пенсионеры.

– Не, ну так сколько тебе? – не отставал настырный сосед.

– Тридцать три, Алексей.

Тот присвистнул.

– Скажу своей корове. Ни за что не поверит. Ей знаешь сколько? Двадцать один, вот так-то! А мне – двадцать семь. Молодая у меня жена, – гордо добавил он. – Молодая... – и пристально посмотрел на Сашку, вроде как только увидел. – По паспорту, да. Лариске, соседке твоей, знаешь сколько? Тридцать пять. Так это между вами получается всего два года разницы? – Лёха ещё раз свистнул.

«Не свисти, козёл! Денег не будет!.. Александра Александровна, вы же не Ленка, смею вам напомнить!»

– Ты как сохранилась?

– Моей бабушке в семьдесят четыре никто больше пятидесяти не давал. Генетика. Никаких личных заслуг. Да и тридцать три это вовсе не так много, как вам сейчас кажется. Спокойной ночи, Алексей, – Сашка встала, и подошла к входной двери.

– И тебе, Александра, – надо же, запомнил, – хотя разве

у тридцатитрёхлетней бабы может быть спокойная ночь без мужика? Ну, я смотрю, у тебя настроение не для бесед за жизнь да про любовь. Может, вместе дёрнем твоей чёрной? Глядишь, и разговоришься.

Сашке очень захотелось треснуть его по голове той самой табуреткой. Но она только отрицательно покачала головой и вежливо улыбнулась.

– Ну, пока, соседка!

Закрыв, наконец, за словоохотливым умельцем дверь, Сашка сделала пару кругов по своей крохотной, но комфортабельной обители чужих духов и духов.

«Откуда в них это поголовное тыканье? Это что – анахронизм от крепостного права? «Ты, барин!..» «Вы, Алексей!» Ты не можешь им тыкать. Хотя надо бы. Но «ты» – это такое личное местоимение. «Ты» – это личностная принадлежность, близость... Говорю же – из крепостного права. Это у них в ДНК прошито. В онто– и в филогенезе. И ответной принадлежности не требует у существ с иным информационным кодом... Это тебе Ирка голову замусорила всякой ерундой. Но ведь тыкают и тыкают...»

Такие правила.

Вторая глава

Просто Вова всё перефасонил под свой вкус: кроме двери в ванную комнату и сохранённого фрагмента несущей стены более перегородок не осталось. Стену между комнатой и кухней по СНиП¹ трогать было нельзя. «Нельзя, нельзя и нельзя!» Но если очень хочется, то за колоссальный бесценник в соответствующих разрешительных инстанциях – можно.

На кухоньке – игрушечная разноцветная мебель «под заказ». Мойка. Стиральная машина и ещё один крохотный отсек под чашки, ложки, тарелочки – он был практически пуст: тарелок там не было вовсе. Сверху – только палка под бронзу. На ней в ряд подвешены Сашкины турки. Более ничего. Под окном – конвейерный стругано-сосновый столик и две табуретки. В торце освободившегося от стены проёма – холодильник.

В комнате – итальянский трёхстворчатый шкаф, стоимостью с пол чугуна моста. Посредине – круглая постель. В углу – столик с ноутбуком. На окнах – жалюзи. Это Сашку раздражало. Во-первых – из-за вопиющего диссонанса между претенциозным шкафом «из дворца» и офисной одеждой окон. Во-вторых – она просто ненавидела жалюзи.

¹ СНиП – строительные нормы и правила.

«Скулящие жалюзи. Ворчащие жалюзи. Трещащие жалюзи. Никогда не знаешь, в каком они сегодня настроении...»

Но Вовка упёрся. Кажется, они тогда опять повздорили, и Сашка, как всегда, ушла «в несознанку». По привычке. В знак примирения он подарил ей какие-то безумно дорогие духи той самой фирмы, что делает сумочки стоимостью во вторую половину чугунного моста. Однажды она ими даже надушилась из приличия, и запах до сих пор не вытравливался из помещения, хотя закупоренный флакон она запрятала аж под ванную – туда, где хранятся моющие средства. Ей нравилась конкретная марка мужского одеколona. Вполне доступного, кстати...

«И ни с кем не связанного!»

Маленький балкончик по обоюдному согласию стеклить не стали.

Мотивы разные, а результат – один. Такое случается.

В санузле, вымощенном дорогой и некрасивой итальянской плиткой – дешёвая акриловая ванна, «мойдодыр» с мраморной столешницей, унитаза-звездолёт и штампованные пластмассовые полочки, прикупленные Вовиком в очередном пароксизме рачительности.

Входная дверь – дешевле было склеить её из банковских пачек пятисотрублёвого достоинства.

Общая площадь эклектичного скворечника на седьмом этаже обшарпанного панельного дома семидесятых годов постройки составляла... Короче, архитектору – пожизненный «эцих с гвоздями».

– И зачем ты купил это гнездо?

– Чтобы имеет возможность побыть одному. В любой момент, как только захочу.

– Но почему такую маленькую? С твоей-то любовью к открытым пространствам! И почему в такой жопе? У тебя же есть деньги!

– Потому что в душе я монах. Мне нравятся кельи. А в жопе, потому что... Любите вы все, блять, чужие деньги считать!

– Кто это все?! Знаю я – воспоминания о нищем детстве на рабочей окраине приуральского Задрипащенска покоя не дают. Гештальты отрабатываешь. Мазохист несчастный, герой войны, урод!..

Прицельно бить по больным местам – научиться можно. Но не поверят. Таким нужно родиться.

– ...Петушишься, что в люди выбился. Ах-ах-ах, прямо лопаешься от гордости, какой ты крутой. Всех жизни учишь. Родному брату кусок булки просто так дашь?.. Нет, не дашь! Он сначала должен выслушать, как старшенький «всё сам,

без помощи». Каждый раз. Каждый! Перед завтраком, обедом и ужином! Да чем унижаться за твои подачи, лучше голодным ходить... Деньги его все любят считать. Ха! Всё проще: все любят твои деньги. Потому что тебя самого любить не за что, понимаешь? Ты – пшик. Пустое место. Ноль без палочки. Некрасивый, не очень-то умный, не-не-не... Характер – дерьмовый. Самоутверждаешься?! Да вместо входной двери можно было ещё один такой клоповник купить! Соседям этим несчастным – вечно безденежным работягам – пыль в глаза пустил – и доволен! А что ты доказал? Да ни хрена! Тебя без твоих денег нет. Ты – это твои деньги. Кредитка в штанах!!!

Сашка ярилась. Вовка зверел. Они расходились в разные стороны, плюнув друг другу под ноги, – всё в лучших традициях отношений между любовниками, не собирающимися сочетаться узами законного брака. Чтобы снова сойтись. Была между ними какая-то нездоровая тяга. Не могли они покончить с ней одним махом.

Даже любовниками их сложно было назвать. Познакомились при весьма странных, несколько забавных и немного болезненных для Сашки обстоятельствах. Она поругалась с мужем, точнее, он с ней, и собиралась уйти по этому поводу в загул. Загул предполагался тяжкий, беспросветный и беспмятный. Как и положено. Собиралась не потому, что была особо расстроена ссорой, а потому что давно и прочно была

расстроена всей своей жизнью...

«Живущий ищет выход. Мятущийся – повод...»

...не видела в ней смысла. Жизнь, прежде яркая и многогранная – с цветами, запахами, звуками, осязанием и мечтами, с какого-то момента стала серой и плоской. Ровной, как линия кардиомонитора, подсоединённого к труп. Возможно, Сашка впала в депрессию. Но ни понимать её состояние, ни тем более «вытаскивать-лечить» никто не собирался. Напротив. Над безжизненной равниной Сашкиного унылого существования летали рои назойливых мух. И мухи эти жужжали одно и то же: «Чего тебе не хватает?» Если бы Сашка знала, чего ей не хватает, она непременно бы попыталась это разыскать. Но она понятия не имела, чего именно ей не хватает. Она не искала и, как следствие, понемногу теряла уже имеющееся. Например, солнце и кофе по утрам. Спектакль «Утро» проигрывался на автомате, а хоть бы и посреди реквизита «Марсианских хроник». Всё равно. «Роли» проговаривались. В положенном месте – вопросительная интонация. Крошка ехидства – в соответствующей мизансцене. Потом запахи... Запахи – это важно. У Сашки был потрясающий нюх. Не собачий, конечно, но близко. Она могла различать сорта кофе. Вычленив пыльцу цветков сирени из городского смога. Тот или иной одеколон мог вызвать любовь или ненависть, а молекулы мужского пота – прилив жела-

ния или рвоту... Но запахи стали стираться вслед за картинкой. Сашка, как и прежде, отлично видела и отменно чуяла. Но вот прежнее ощущение всегда нового восприятия – даже давно знакомого – стало уноситься со скоростью экспресса. Раньше в любом собачьем лае ей чудились монологи. Гамлета или базарной торговки. В птичьем пении – полифония, перед которой стыдливо умолкали фуги Баха и секстеты Моцарта. Теперь же всё сливалось в беспредметный гомон индустриального фона.

А как Сашка любила изысканную оркестровку вкусовых сочетаний! Запотевшая стопка ледяной водки. Маленький квадратик бородинского хлеба. Сверху – селёдка обыкновенная. Без дыма. Без маслин. Без пачули, артишоков и прочей бижутерии. Или джин с тоником. Сперва легкомысленный тоник – радостный щенок-подросток, и лишь потом, в конце, мелькает взрослый можжевеловый пёс.

Легчайшее, взбитое до сливочного суфле картофельное пюре, сочная текущая мякоть котлеты по-киевски, изысканная фермата бочкового солёного огурца. Лёгкость свежих круассанов, вязкий омут горячего шоколада. Ни с чем не сравнимый, неопишимо тонкий вкус крохотного юного цветка белой акации, посасываемый по детской привычке... Всё превратилось в силосную неразбериху. Приятный холод мрамора, уютная тяжесть бронзы, необычайная прозрачность кончиков пальцев, скользящих по шёлку, замшевая нежность перчаток, всепобеждающая уверенность грубого

протектора подошвы... Всё ушло. На ощупь мир стал однородным пластом древесно-стружечной плиты.

«У всех так?..»

Как-то этой весной Сашка проснулась и поняла, что ей стало никак. Вообще *никак*. У слов закончились значения. Безволие. Мир превратился в кучу пенопластовых упаковочных гранул: встать с постели, сварить кофе, пойти в душ, почистить зубы, одеться, накраситься, выйти из дому, сесть в машину, поехать на работу, работать, выйти с работы, сесть в машину, уехать с работы, выйти из машины, зайти в дом, раздеться, принять ванну, приготовить ужин, съесть ужин, смотреть телевизор, читать книгу, говорить с мужем, разговаривать по телефону, зайти в Интернет, сходить с подругой в кафе...

«Даже дышать лень...»

Эксперсии грудной клетки совершаются сами по себе. Если бы можно было волевым усилием их прекратить... Но волевое усилие – это действие. Любому действию противостоит всепоглощающее, всеобъемлющее ничто... Сашка отключила телефон. Из последних сил. Казалось, она не руку протягивает, чтобы выдернуть штепсель, а стрелу огромного крана. Накрыла голову подушкой и окончательно выдохлась.

Подушка была набита кирпичами. В пододеяльник вставили мраморную плиту. Сашка тихо-тихо лежала, не шевелясь... Попробуйте пошевелиться, когда со всех сторон камень!

Она не спала и не бодрствовала. Так и провела целый день – в каменном ложе. Не пила, не ела, даже в туалет ни разу не сходила. Муж пришёл с работы и начал что-то спрашивать, говорить и, в конце концов, орать. Как всегда. Он стащил с её головы подушку. Как сквозь стену Сашка слышала, что ему звонили с её работы. И почему, если ей плохо, она «ничего не сказала». Это что, так сложно – набрать номер?! И почему, кстати, она отключила и домашний, и мобильный – «вдруг что-то срочное»! И вообще, он «чуть с ума не сошёл»! И «что он должен был думать»?!

– ОТКУДА. Я. ЗНАЮ, – слова давались очень тяжело. Но пока давались!

– Что?! Что ты знаешь? – у него изо рта летела слюна.

– Так вот именно. Я ничего не знаю. Даже что я должна думать, – Сашка хихикнула. Её развеселил неповоротливый язык. И обрадовало такое количество слов. Толстых слов.

– Ты с ума сошла?!

– НЕ. ЗНАЮ. А. ТЫ. ТАК. МОЖЕШЬ. КАК. РЫБКА, – Сашка стала закрывать и открывать рот. Её забавляла странная связь между этим действием и словами, рождающимися где-то в макушке. Пузыри слов надувались, вылетали из неё и лопались, оставляя неуловимый, как нейтрино, след звука.

Ему бы погладить по голове свою временно съехавшую

с катушек супругу. Заварить крепкого чаю или коньяку налить. Поговорить ласково. Поставить старую комедию. Массаж сделать. За цветами сбегать. Продолжить орать и брызгать слюной. Выпить стакан кефира. Но нет. Для этого всего Сашкин супруг был слишком рационален. Он перешёл к делу. Неожиданно спокойно он сказал:

– Короче, кончай дурить. У шефа сегодня день рождения. Мы приглашены. Вставай, приводи себя в порядок, и едем.

Сашка продолжала изображать рыбку.

– Хочешь продолжать спектакль? Ладно, – кинул ей муж. – Скажу, что ты заболела.

Переделся и ушёл.

Сашка встала, привела себя в порядок, взяла немного денег из доступной «общей кассы» – там, между прочим, был и её «вклад» – и вышла из дому без какой-либо конкретной цели. Мир был из камня и стружки. Каменный небосвод. Каменная земля. Каменные деревья. Каменные дома. Всё остальное – стружка, заполняющая полости между камнями. Разгребая её руками и пиная ногами, Сашка еле-еле продвигалась по шоссе к городу. «В загул! В загул-л! В загул-л-ллл!» – гулко лопались пузыри на макушке, тут же превращаясь в стружку...

«ЛЛЛ!!! Л! ЛЛ! ЛЛЛ!!!»

В какой-то момент стружка попала Сашке в дыхательные пути. Одна. Ещё одна. И ещё. И ещё. А потом что-то негромко лопнуло в ушах, и мир прекратил трансляцию...

Когда вещание возобновилось, Сашка обнаружила себя за столиком японского ресторана. В одиночестве. Дышалось легко. Она прекрасно себя чувствовала.

«Ты умерла, и тут – всё то же самое... Даже японские рестораны есть! Языческая сила!»

– Какое у вас тут сегодня число? – спросила она у официанта.

«Интересно, какой у них календарь? Может, всё-таки на том-этом свете торжество буддизма? Вот и ресторан – японский. Хотя по антуражу – типично японско-московский. Официант по-русски говорит... Или тут сразу синхронная трансляция прямо в душу: с языка вечности на тот, носителем которого свежеепокоенный являлся при жизни? Типа, время дают на адаптацию – времени-то после смерти вагон. Или целый состав!.. Санечка – дура! Ты не умерла. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой!»

– Двадцать седьмое, – нисколько не смутившись её думами, ответил официант.

«Точно не умерла. Если даже на этом свете есть люди, умеющие читать мысли, то на том – и вовсе. Хотя что из этих светов тот, а что – этот? Это как фотография. Если она негатив – она же всё равно фотография? Просто с негатива можно делать сколько угодно копий. А с напечатанной уже нет. Порвана, сгорела, залита горячим кофе. Но если фотография дорога – вот он, милости просим, негатив! Печатаем ещё!»

– Апреля? – уточнила Сашка.

«Насколько всё-таки мысль быстрее слов. Думай ты с разговорной скоростью, официант бы решил, что – заторможенная. А так ты в краткие паузы-интервалы умудряешься нанести немыслимое количество невидимой миру пурги при полном сохранении внешних приличий...»

– Да.

– Ну, слава богу, месяц на месте, хотя минутой прежде был вечер двадцать пятого. А-а... простите. Сейчас утро? – Сашка тряхнула головой, чтобы прекратить бесконечный внутренний монолог.

Официант кивнул.

– Будете что-нибудь заказывать?

– Буду. Почему нет?! Какой-нибудь суп, на ваш вкус, и грибы. У вас должны быть такие фаршированные грибы, не

помню, как их... – парень записывал. – И чайник зелёного чаю, обычного, без ароматизаторов, с лимоном.

Ни похмелья, ни головной боли, ничего такого соматического. Кроме полного сорокавосемичасового выпадения, если сопоставить показания имеющихся воспоминаний и материализовавшегося официанта.

«Стрессовая амнезия?.. Ну, это не считается, если руки-ноги целы. Только откуда это платье? Из дому ты ушла в джинсах и рубашке...»

Это она точно помнила. Джинсы и рубашки были любимой Сашкиной одеждой. И сапоги. Даже летом. Благо и до самых отсталых стран докатилась мода на летние сапоги. В апреле она просто не могла выйти из дому ни в чём другом, кроме как в сапогах. И куртке...

«Где твоя куртка, кстати?»

Сашка огляделась. На вешалке недалеко от её столика на плечиках висел элегантный бежевый плащ. Кроме Сашки в зале ресторана никого не было. На ней самой было чудесное белое трикотажное платье с лямками крест-накрест на спине, на ногах...

«Лодочки? Ботинки? Зимние лодочки? Как они называются?»

– Как называется такая обувь? – спросила Сашка у официанта, подошедшего с чаем.

– Ботильоны, – любезно ответил он.

«Какой грамотный и уравновешенный юноша. Надо бы оставить ему щедрые чаевые...»

– Не подскажите, как я здесь оказалась? – вдруг подскочила Сашка. – И где моя сумочка?!

«Какая сумочка, к чертям?! Не было сумочки. У тебя были деньги в заднем кармане джинсов, а теперь нет ни джинсов, ни, соответственно, задних карманов! «Унесите чай, мне нечем платить, извините! Я, пожалуй, пойду!»

– Вас сюда привёл, собственно, владелец ресторана и наказал выполнять любой ваш каприз, не беспокойтесь! – улыбнулся юноша. И не стал добавлять, что Владимир Викторович предупредил, что девушка «с некоторыми странностями», и что отпускать её отсюда нельзя «ни в коем случае». Он быстро завершит дела и вернётся. Короче, велено не выпускать! – И попросил, чтобы вы его непременно дождались, – официант держал улыбку. Весьма мило. Как-то

у него получалось халдействовать с достоинством и шутить без панибратства. Талант.

– Господи... – только и прошептала Сашка себе под нос. – Во что я вляпалась? Загул, кажется, удался. Не знаю, как насчёт тяжести и беспросветности, но зачёт по беспамятству сдан на «отлично».

Что характерно, вялость и леность, внезапно, без объявления войны, напавшие на неё двое суток тому, как рукой сняло. Мало того, вдруг она поняла, что дьявольски хочет жрать. Не перекусить. И не поесть. А именно «пожрать», хотя, конечно, в белом платье с лямками крест-накрест на спине и в этих зимних лодочках хотеть «жрать» как-то не очень эстетично.

– Знаете, молодой человек, я очень хочу есть. Прямо-таки жрать хочу. Так что, кроме супа и грибов... В общем, вы сами, на ваш вкус и побольше. И четыре по пятьдесят текилы. Сто лет не пила.

– Любой каприз! – вышколенно улыбнулся официант.

– Это...

– Да?

– А он как, ничего? Ваш работодатель, в смысле. Внешне. Идиотский вопрос, да?

– Нормальный. Иногда только жуткий зануда. А так – обычный, – официант сохранял уважительное спокойствие.

«Клиент всегда прав. Если клиент идиот – правота стра-

дать не должна...»

– Не Аллен Делон?

Официант по-шутовски слегка развёл руками.

– Жаль! Да и чёрт с ним, мне Аллен Делон никогда не нравился. Слишком сладкий. Кстати, сладкое у вас есть? Японцы же должны есть сладкое. Вот и сладкого мне чего-нибудь тоже!

Парень согласно кивнул и с безупречно скрываемым облегчением ушёл исполнять.

– Что это было? – спросила Сашка у коротконосого глиняного чайника. – А-а... Мне всё равно! Зато ты очень приятный на ощупь. Если для того, чтобы ко мне вернулась радость осязания, надо на два дня выпасть из эфира, то это, согласись, не слишком большая плата. Молчишь?.. Молчание – знак согласия.

– Как вас зовут, молодой человек? – поинтересовалась Сашка у официанта, когда он принёс первые заказанные блюда. Еда источала совершенно очаровательный аромат. Невыносимо прекрасный. Удивительный. Сытость наступала от одних только запахов и предвкушения. Казалось, что можно даже не есть. А только сидеть – и вдыхать. Между тем Сашка никогда не была поклонницей японской кухни. Она любила самую обыкновенную русскую. Ну, может, немного грузинскую. И армянскую, конечно же. Итальянскую. Украинскую. Любую вкусную кухню... Так что пусть сегодня бу-

дет японская!

«Интересно, как с таким аппетитом и возвращённым обонянием ты бы реагировала на правильно приготовленный харчо? Захлебнулась бы слюной? Огласила бы ресторанный зал желудочно-кишечным рокотом?.. Тоже звук...»

– Антон.

– Что?

– Меня зовут Антон.

«Всё-таки выпала из трансляции!»

– Ух ты! Антон. Богатое имя. Протяжное такое для мужского. Ан-тон. Вдох и – раз! И два... Произносится сверху вниз. Снисходит. Антон, текилу вы не забыли? Только именно четыре по пятьдесят. С солёной кромкой. С кусочками лимона... Или нет, сегодня – лайм. Я его не очень люблю, но сегодня – лайм. У него такой зелёный запах. И вкус его – не самый лучший, но зато симфонический – собранный по нотке из всех цитрусовых. И вот когда уже был составлен букет, кто-то щедро плеснул яблочного уксуса. Нечаянно. И не ошибся... Извините, я много говорю. Это потому что слова вдруг снова стали объёмными. И гладкими. Как галька. Наверное, вы и не такое видели?.. Наверняка. Официанты ресторанов видят куда больше психоаналитиков... У меня

есть подруга. Она психолог. Вы бы её испугались. Она очень большая и пугающая, хотя и красивая. В ней очень много всего. Она бы немедленно объяснила, что это такое со мной было и почему. Или бы мозги запудрила. Что, впрочем, одно и то же, если разобраться.

Официант вежливо улыбался и молчал.

– Бука вы, Антон. Несите мне мою текилу с лаймом.

«Будешь сидеть тут, есть и пить. И ждать загадочного ресторатора. Фамилия-то у него хотя бы есть?.. Двое суток не могли вывалиться просто так. Что такое амнезия? Отделённый от общего потока сознания пласт. Почему выпало только два дня, а не, скажем, два месяца? Или два года? Интересно, что испытывает человек, у которого от общего потока сознания отделилась вся жизнь? И что в таком случае считать общим потоком сознания?.. Всю выпавшую жизнь или тот момент, когда ты, скажем, вдруг «включился»?.. Совсем не страшно. В кино показывают, что человек с амнезией мучается, мечется, не узнаёт родных и близких. В alma mater учили другим вещам. Немногие виденные пациенты клиник с амнезией производили впечатление вполне нормальных. Слегка огорошенных, оглушённых, но нормальных. Когда они не узнавали родных и близких, им приносили фотографии... Кстати, о близких. Надо бы позвонить мужу...»

Антон принёс трубку стационарного телефона. Мобиль-

ный – до того, как отделился пласт, – был в куртке. А где куртка – Сашка не знала. Она с удовольствием лизнула край рюмки, опрокинула в себя специфического вкуса спиртное и впилась зубами в дольку лайма.

– Ах, Антон! Люди не понимают простых вещей. Или понимают? Вы понимаете, как это хорошо, да? Обыкновенная поваренная соль, кактусовый самогон и, в довершение, – лайм. Увертюра. Либретто. Занавес. На бис? Хотите, я в лучших алкоголических традициях предложу вам со мною выпить? Не откажете?..

– Мне нельзя. Я на работе, – мягко ответил Антон. – Но после...

– После – нет. После работы вы для меня слишком молоды, друг мой. Ладно. Сейчас я буду звонить мужу, Антон.

Официант удалился.

Сашка ухмыльнулась.

«Но после...» Надо же! Он, верно, подумал, что ты – проститутка... «Как вас зовут?» Улыбочка. Взгляд «глаза в глаза». И вот уже очередной Антон наивно полагает, как и любой другой симпатичный неглупый юноша, что он сам по себе подарок судьбы. Ах, сколько ему открытий чудных готовит просвещенья дух... И векселей!»

«Здравствуйте! Оставьте сообщение после звукового сигнала...»

Муж всегда был очень рационален. Никаких дурацких шуточек. Никаких имён. Никаких «нас нет дома». Это же и так понятно, что если никто не подходит к телефону, значит, никого и нет. Оставьте...

[– Почему ты не подходишь к телефону?!!

– Не хочу.

– Вдруг что-то важное!

– Если важное – оставят сообщение, и я перезвоню.

– Но ты же дома, почему ты не подходишь к телефону?!!

– Не хочу. Нет настроения разговаривать. Ни с кем.

– Я, как идиот, выскакиваю из ванной, несусь к телефону, а она, оказывается, уже дома, просто у неё нет настроения разговаривать!

– А зачем ты выскакиваешь из ванной? Умные люди придумали автоответчик именно для таких случаев.

– Его придумали на тот случай, если никого нет дома.

– Или на тот случай, если ты голый и в мыле. Или на тот случай, когда тебе не хочется ни с кем разговаривать. Или...]

«Вторая текила ещё лучше первой. Это как начало знакомства. После того, как вы встретились взглядами, но имена ещё не произнесены. Приятный флирт незнакомки с уже почти знакомым... Секундой раньше

Всё мерцало. Билась
По жилам вспененная ночь.
Секундой позже
Предопределилось.
Ещё мгновенье —
Выпорхнуло прочь...

Вторая текила – интервал между «секундой позже» и «ещё мгновеньем». Время, в течение которого веришь, что произнесённая шутка навек останется остроумной. А оказывается, что ровно до тех пор, пока кто-то «симпатичный и неглупый» не начинает ходить в халате и стричь при тебе ногти.

Наверное, счастливый брак – это когда можно стричь ногти, не испытывая никакого дискомфорта от присутствия половины. Или и вовсе – стричь ногти друг другу. На ногах. И получать от этого удовольствие. И в миллионный раз шутить одно и то же – и шутка будет всё так же остроумна. Даже если для всего остального мира вы – юродивые... Ты никогда не стригла при муже ногти на ногах. Ты вообще их редко стригла дома – ты делала педикюр в салоне. Он стриг при тебе ногти?.. Да? Нет? Не помнишь. В этом месте тоже амнезия. Фрагментарная? Мозаичная? Таких нет. Значит, в этом месте у тебя склероз. Можно ли помнить то, чего не было? Было ли то, чего не помнишь?.. Вопрос однозначно не риторич-

ческий. Философский. Подразумевается, что ответ должен быть остроумным. Должен... Разве это счастливый брак – не помнить ни да, ни нет? Помнишь, что шутки его не были остроумными. Твои, впрочем, тоже... Всё больше язвила последние годы. Он прав. Ты плохая. Он тебе так помог, вырастил, выкормил, воспитал, а ты... Нет, правда-правда. Всё – правда. Нечего возразить. Тебе нужна была радость бытия... Ну, или хотя бы покой быта на тот момент. Он обеспечил тебе покой. После плато покоя кривая твоего возбуждения поползла вверх, к туманным пикам бытия, а он так и остался на своём спокойном прозрачном бытовом плато. Быту мёртвое сердце не помеха. За пределами этой равнины...

Есть тёплые нежные дни.
За стылостью этих снегов
Есть радуга, вереск и зов,
Есть сумрак, полёт и огни,
Но меня не бывает с ними...

Никто не виноват. Вот уж чего он от тебя точно никогда не дождётся – так это горячо любимого всеми чувства вины. Чувство вины – суррогат. Жалость – вот ещё неплохой заменитель любви. «Нет хлеба? Пусть едят пирожные!» Спасибо, ты сыта. И чувство долга глодать больше не имеешь ни малейшего желания! Какого долга? Перед кем? Все векселя давно оплачены. Просто они лежат в сейфе, и тебе их не вер-

нули. А ты не знаешь кода...»

В мобильном мужа долго играла музыка. Stranger in the night...

«Сколько раз его просила, чтобы гудки... Просто обычные, родные с детства длинные гудки. Нет, надо чтобы играли эти дурацкие мелодии, как при переключении с менеджера на операциониста в банке...»

– Алло... – наконец ответила трубка.

– Привет. Это я.

Молчание.

– В общем, со мной всё в порядке. Я не помню прошедшие два дня. Извини, если заставила волноваться.

Молчание. Нервическое мужское молчание. Укоряющее. Пауза, позволяющая «блудной» жене осознать всю пропасть содеянного и уже приступить к покаянию и самоистязанию.

– Надеюсь, мне удастся выяснить, что со мной *было*, и после этого я решу, как *быть*. Если ты сам не решил прежде меня. Если ты продолжишь молчать, я нажму отбой. Считаю до трёх. Один...

– Где ты? – сдавленно проговорила трубка, не до конца, по-видимому, определившаяся со степенью жестокости предполагаемой меры морально-нравственного пресечения.

«Всё-таки голос у него абсолютно никакой. Как попсовая песенка. Безликий. Таких миллионы. И они забываются, как только пройдёт сезон. Но пока их крутят, и крутят, и крутят, они просто высечены на подкорке – помимо воли. Особенности человеческого восприятия...»

– Я не скажу тебе, где я. Не потому, что скрываю, а потому что не знаю. И узнавать не хочу. После того, как я узнала, какое сегодня число, мне как-то неудобно интересоваться ещё и адресом. К тому же, судя по всему, у персонала есть приказ меня не выпускать. Прости, если заставила тебя волноваться.

– Волноваться?! О, нет! Ты не заставляла меня волноваться. Ты разозлила меня! Я вернулся домой, тебя нет. Ни записки, ни звонка. И вот, когда я уже обзвонил всех твоих знакомых, и даже набрал номер твоей ужасной подруги, и собирался обзванивать морги, моя дорогая жена звонит мне поутру и весело сообщает, что я не должен её искать, потому что ей со мной никак. Да-да, ты так и сказала, Александра. Не «плохо». Не «отвратительно». Не «хорошо, но...». Ты сказала, что тебе со мной «никак», и весь твой мир из-за этого превратился в «упаковочную стружку», такую же безликую и противную, как я.

– Я не помню. У меня амнезия. Скорее всего, именно та, которую принято называть стрессовой. Поверь, я правда не помню, что звонила тебе и говорила *такое*. Хотя... Это

очень похоже на то, что я испытываю. Так что, наверное, это была я. И я говорила правду. Мало того, тебе должно быть приятно, что ты так прочно вколотил в меня чувство долга, что даже в изменённом состоянии сознания я звоню тебе из отделившегося от общего потока пласта сообщить, чтобы ты не волновался и не трезвонил по моргам. Согласись, не так уж и плохо для невменяемой. Что ещё я говорила?..

Сашке не было его жаль. Ни капельки. Каждый раз, как только в ней просыпалась жалостливая женщина из русского селенья, она тут же припоминала, как он не купил ей босоножки. Давным-давно. Несчастные босоножки за десять долларов. Не за сто. И не за тысячу. А за жалкие десять долларов. И не потому, что у него их не было. Были. И гораздо больше. А потому что это были «дурацкие» босоножки. Он – ТОТ, КТО НЕ ПОНИМАЕТ! – говорил ей, понимающей, глупости. Те босоножки были прекрасны. И она шла по улице и плакала. Не специально. Точнее – она не плакала. Сашка Ларионова почти никогда не плакала, даже на похоронах самых близких. У неё однажды без предупреждения кончились «эмоции плакальщицы» и остался лишь секрет слёзных канальцев. Вот и тогда, из-за «каких-то» босоножек слёзная жидкость начала чрезмерно секретироваться, скапливаться и обрушиваться вниз – капли сами катились из глаз, помимо Сашкиной воли. Да, три полоски кожи. Но какой! «Они потёртые. Обшарпанные какие-то! Такое впечатление, что их

кто-то жевал. Чего ты рыдаешь? Я куплю тебе другие!» Ей не нужны были другие. Ей нужны были эти, «кем-то жёваные». Он совсем Сашку не понимал. Какую жалость она могла испытывать к человеку, хранящему от неё деньги в сейфе? От неё, Сашки, которая с детства приучена *не брать* ничего без спросу. Не только у чужих, но и у своих. *Особенно* у своих. Но какой же он свой, если он орёт на неё из-за дыры в двери, вместо того, чтобы... А если бы те мужики вызвали милицию? И она не смогла бы доказать, что *своя* в этом доме? Но ведь она вовсе не своя в *том* доме. Тот дом – его. Хотя построен он на деньги, полученные от продажи Сашкиной квартиры. И документы, подтверждающие тот факт, что дом целиком и полностью – его, лежат в сейфе. А она – просто посторонняя женщина. С другой фамилией, прописанная по другому адресу. Где она так никогда и не была. Кажется, там, где Сашка прописана, проживает какая-то бездетная троюродная тётушка-бабушка мужа. Он долго мучился, кого туда прописать. Прописаться самому? Тогда его дом станет не домом, а дачей. А дачу в таком районе могут и отобрать нынче, дыра в законе найдётся. Прописать в доме Сашку? Нет, бюрократия момента определялась необходимостью проживания в доме именно собственника, не прикажете же на Сашку дом переоформлять! Квартира троюродной тётушки-бабушки давным-давно была приватизирована, но отчего-то Сашка оставалась прописанной именно там. «Какая разница? Мы и так живём под одной крышей. С

каких это пор тебя стали интересовать такие вопросы? Что за новости?» Вот так вот. Под одной крышей. Соседи. В лучшем случае. В худшем – бедная родственница-приживалка, бессовестно пользующаяся невероятной щедростью. А что совместные фотографии на стенах – так это просто не заметные в своей привычности пятна. Нет, ей не за что его жалеть. И не о чем. Он – муж – герой не Сашкиного романа. Ему нужна женщина-калькулятор, а не женщина-чувство. Только такая с ним и «совладеет». Только такую он и сможет уважать. «Уважение – немаловажная составляющая прочных и долгосрочных отношений». Она сама не раз втолковывала это своим клиентам. Мужу нужен равноправный партнёр, а не беззащитная психованная бестолковая Сашка.

– ...Ещё ты говорила, что я такой же мелкий, как упаковочная стружка. И такой же надоедливый, как хлебные крошки на простынях. Пока не вытряхнешь – не уснёшь. И что стряхивать – полумера. Можно только содрать с постели и вытряхнуть на улице. Иначе – всё.

– Да? Я всё это, наконец, тебе сказала? – Сашка рассмеялась. – Жаль, что я этого не помню. Правда, жаль. А что ты мне отвечал?

– Ты издеваешься?! Александра, немедленно скажи, где ты, я приеду! Звонили с твоей работы. Я сказал, что ты заболела.

– Как ты благороден! Спасибо! Не надо за мной приез-

жать, дорогой. Я очень хотела, чтобы ты приехал, когда у меня в замке застрял ключ. Потом я хотела, чтобы ты подтвердил, что я твоя жена, но абонент был временно недоступен. Ещё позже я хотела, чтобы ты не орал на меня из-за того, что я ничего не могу решить самостоятельно. Когда я царапнула крыло машины, я не хотела слышать: «Идиотка! Ты что, дерево не заметила? Оно, что, карликовое?! Всё! Хрен с маслом тебе, а не машина!» Знаешь, что я хотела слышать? «Ерунда, милая! Ты же просто учишься». И уж точно я не хотела сама решать проблемы с этой царапиной, когда у тебя в телефонной книжке давно прикормленный автослесарь. Тебе бы это стоило меньших усилий и средств при более эффективном результате. Ты хотел научить меня жить? Открою тебе большой секрет: я к этой науке не способна. Есть люди, совершенно не восприимчивые к геометрии, а есть – к бытологии. Вот я, увы, такая. Будь учитель чуть лучше, чуть мягче, чуть более любящий – возможно, со временем я бы освоила азы. Но когда и ученик без особых способностей и учитель плох – ничего не выходит. И ещё... У меня много воспоминаний о том, что ты на меня орёшь. Фи! Даже если это и так, и я ни на что не годна, то я всё равно не хотела, чтобы ты на меня орал. А раньше, много раньше, я хотела, чтобы ты смотрел со мной на закаты и рассветы. И не зевал, а слушал. Хотя бы пытался понять. Хотя бы изображал интерес. И ещё я хотела, чтобы ты купил мне босоножки за десять долларов. И не скрывал от меня код сейфа. Не потому, что

я очень хочу знать, что ты там прячешь. А просто потому, что мы – муж и жена. Самые близкие друг другу люди вовсе не по той причине, что их совместное фото висит на стене, а потому что у них на двоих – одна кожа, понимаешь? Какие могут быть тайны от того, кто ходит в твоей коже, а ты в его? Разве можно кричать на самого себя за безалаберность? Как? Как можно не приехать к самому себе, если ключ сломался в замке? Я хотела... О доме я даже говорить не хочу, сам всё понимаешь, ты же умный... А теперь я ничего не хочу. Не стоит мне чего-то хотеть... с тобой. Я справлюсь с этой и другими ситуациями самостоятельно. И если мне надо будет приехать в твой дом, чтобы забрать своего плюшевого медведя, паспорт и чемодан тряпок, то я вполне способна справиться с этой задачей сама. Но я всё-таки вежливый и хорошо воспитанный человек. И потому я звоню тебе, моему скорее roommate,² чем beloved,³ чтобы сказать: «Со мной всё в порядке. Не беспокойся. Увы, обстоятельства складываются так, что я наверняка съеду. Ищи новую соседку».

Сашка нажала отбой. И с огромным удовольствием выпила третью текилу.

Еда была преотличная. Она имела *вкус*. А также – запах, цвет и температуру. Маленький хрустящий промасленный «конвертик» с тестом был трогательно хрупок. Разноцветные кусочки овощей, рассыпавшиеся по тарелке, напомина-

² Товарищ по комнате, сосед (*англ.*).

³ Возлюбленный (*англ.*).

ли островок цветущего летнего луга. Если лежать на земле, закрыв один глаз, то будешь видеть именно такой пейзаж. И слышать птиц, насекомых и какой-то неявный гул. Жаль, что в зале ресторана это всего лишь гул кондиционера.

– Европейский прибор? – осведомился Антон.

– Да. Совершенно не умею пользоваться палочками. Непостижимая для меня наука. Я слишком сосредотачиваюсь на тактильных ощущениях и всех этих пронациях-супинациях кисти как таковых. Палочки – не мой способ познания мира пищи. Всё очень вкусно. Кажется, я сейчас съем свою месячную норму.

– Японская кухня не калорийная.

– Везде есть калории. И в дохлой рыбе, и в варёном рисе, и даже в лимонах и лаймах. Везде, где есть или была жизнь, будет и энергия. Существовать или выделяться... Не обращайтесь внимания, Антон. Я выпила, и теперь меня тянет поболтать. Некоторые утверждают, что это склонность к философии. Скажете «быт» – запишут в клуши. Произнесёте «экзистенция» – вуаля! – вы уже образованная леди. Произносите побольше мудрёных слов, людям нравится всё таинственное, когда речь, конечно же, не идёт об угрозе жизни. Просто говорящий психоаналитик у некоторой части публики хорошим специалистом не считается. Хирург, позволивший себе пространные речи, исполненные латинизмов, будет признан беспокоящейся роднёй высокомерным снобом.

Официант продолжал вышколенно-искренне улыбаться.

– Мне интересно, Антон, что вы думаете? Вы же что-то думаете?

– Конечно. Мой внутренний монолог никогда не умолкает.

– О! Видите! Работает! Вы сказали привлекательное для всех образованных по верхам клуш словосочетание. Я его тоже отлично знаю! И мне ещё больше хочется с вами поговорить. Так что вы сейчас думаете? Прямо сейчас.

– Прямо сейчас я думаю о том, что на улице прекрасная погода. Светит солнце. И уже совсем скоро будут цвести тюльпаны.

– Тюльпаны – прекрасные цветы. Извините меня, Антон, что я к вам пристаю. Это ужасно. Я просто захмелела. И я немного нервничаю. Потому что совершенно не помню, кто такой этот ваш...

– Владимир Викторович.

– Ну да... И где я с ним познакомилась, как он выглядит и так далее и тому подобное. Я понятия не имею, где мои джинсы, куртка и сапоги. И откуда это платье, эта обувь и тот плащ, что висит на плечиках.

– Вам очень идёт это платье. Я только что об этом подумал. Что-то ещё?

– Какого он хоть роста?

– Выше среднего. Скорее высокий.

– И на том спасибо. Нет, пока больше ничего не нужно.

Сашка закурила, глядя на последнюю рюмку текилы.

И тут в зал вошёл действительно высокий мужчина. Действительно не красавец. Но и не урод. Обыкновенный мужчина, выше среднего роста, чуть старше средних лет. На правой руке висел пиджак.

«Посетитель?.. Ах, да... Ресторан же ещё закрыт. Значит, это и есть Владимир Викторович без фамилии»

Он направился напрямиком к её столику. Присел. Левой рукой по-свойски потрепал её по щеке.

– Здравствуй, Сашенька.

– Здравствуйте, Владимир Викторович.

– Можно просто Вова. И уж тем более на «ты». Тем более я уже был и просто Вова, и на «ты».

– Как ваша фамилия, просто Вова?

– Значит, ты действительно не помнишь.

– К сожалению... Я даже не помню момент брудершафта.

– Видимо, не только этот, – он улыбнулся. – Ну что ж, примерно так я и предполагал. Ну, начнём с начала и на «вы». Моя фамилия Пятиугольников.

Сашка прыснула.

– Да. Это, и правда, очень смешно. И – главное – неудобно. Очень длинная и не похожа на настоящую. Но тем не менее – это моя фамилия. Представляете себе, как это неудобно, например, в армии?

– Не представляю, как это в армии, – честно призналась

Сашка. – Зато примерно догадываюсь, как должны дразнить с такой фамилией. И как её носитель всю жизнь должен доказывать окружающим, что ищет он вовсе не пятый угол. Потому что давно его нашёл. Ну и всё такое. Банальная психология. Я ненавижу банальную психологию.

– Я тоже.

– Но в ней есть некоторый смысл. Как во всём банальном. Иногда только в банальном и есть смысл. «Банальное» равно «общеизвестное». «Общеизвестное» равно «верное».

– Сашенька, с вами очень интересно.

– Правда? – Сашка посмотрела на него сквозь рюмку текилы. Владимир Викторович Пятиугольников был очень смешной. – Я несу обычную ничего не значащую чушь. Что в ней может быть интересного?

– Вы.

– Обманчивое впечатление. Искажённое восприятие. Я такая же, как все остальные женщины.

– Вы куда беззащитнее многих и многих остальных. И вызываете удивительное желание. Как будто вы не женщина. Не совсем женщина.

– Бездомная собака? Щенок? Потерявшаяся девочка? Это только так кажется... Только кажется. Это иллюзия. Мираж. Быстро развеивающийся... Сперва вы, просто Вова, будете хотеть меня защитить. Укрыть. Приголубить. Чуть позже моя беззащитность станет вас раздражать, вы начнёте читать мне нотации, учить жить и так далее. Проверено. Впрочем...

Я совершенно свободна для всего этого!

Третья глава

Смотреть ночью на кладбище с высоты седьмого этажа только на первый взгляд глупо. Бессонница, как полагают многие, ни разу её не испытывавшие, – состояние выгодное. Беспроцентный кредит у времени. Не спишь? Знай себе работай. Или читай. Или вышивай вензеля на батистовых платочках.

Увы, нет. Бессонница – это состояние на грани. Беспросветный морок. Ты и не бодрствуешь. Но и не спишь. Ты измотан невозможностью делать хоть что-нибудь. И измождён неспособностью не делать ничего.

Наблюдать что-либо, всё равно что, в таком состоянии – это медитация, позволяющая упорядочить энергетические вихри. Потому что у нормальных, спящих людей – направленные энергетические токи. А у бессонных – хаотичные энергетические вихри.

Сашка имела возможность рассматривать идущих по асфальтовой дорожке к автобусной остановке людей, шоссе, кладбище и водоём, слева прилегающий к кладбищу, в любое время суток. Например, утром, за горячим крепким кофе, перед тем, как влиться в этот сумасшедший людской поток, не ослабевающий с семи до девяти утра в обе стороны. Автобус. Метро с двумя пересадками, и наконец-то ты, уже изрядно помятая и разозлённая, на службе. На развесёлой

службе, где занимаешься всякой бесполезной и бессмысленной ерундой. Не менее бесполезной и бессмысленной, чем та, которой занималась прежде. Но зато куда менее ответственной и куда более познавательной.

Неказистая панельная девятиэтажка, построенная по разнарядке каким-то захудалым заводиком для своих работников, прежде находилась на окраине. Теперь этот район не считался таким уж и отдалённым, но конкретно эта улица и этот дом были не в самом выигрышном положении. Из построенных позже веток метро – одна прилично не дотянулась, другая – сильно перепрыгнула. Так что милости просим на автобусную остановку, хочешь на этой стороне шоссе, хочешь – на той. Пешком – долго. На такси – дорого. На автобусе – столько же, сколько пешком и на такси. По времени. Зато дешевле. И теплее. Сашка частенько ходила пешком.

«Перебирание нижними конечностями пространства-времени есть борьба с гиподинамией и профилактика нервных срывов. Интересно, если кто-то здесь сдаёт квартиру, то наверняка в объявлении пишет: «Десять минут до метро». Особо совестливые, скрепя сердце, указывают двадцать. Сорок, дамы и господа понаехавшие! Ровно сорок минут. Не единожды проверено молодой энергичной коренной балбеской, по юности и глупости лишившейся собственной собственности и так до сих пор ничего и не приобретшей. Кроме сорока минут единоличного неотчуждаемого пешего хо-

да. Если условно принять минуту за однокомнатную квартиру где-нибудь в Железнодорожном, то в целом твой поход к метро – это уже практически собственный особняк в окрестностях престижных шоссе!»

Сашка уже отвыкла от такого образа жизни: автобус-метро и шумная работа с мизерным коэффициентом полезного действия – командная. Но что делать? Работа – это некоторый, пусть и малый, но независимый ни от чьей щедрости (или жадности) денежный пул. Средства к существованию. Омерзительное словосочетание. Именно что к существованию. А существование не предусматривает наличия у существующего пары итальянских сапог за страшно сказать сколько. Перчаток из тончайшей лайки. Собольей накидки. Каратного бриллианта. Ожерелья из натурального, взрослого в чреве моллюсков, крупного жемчуга. Или, например, раритетного серебряного браслета ручной работы, оцененного в пару килограммов золотых штампованных. Серой белужьей и трюфелей. Полного собрания сочинений Конан Дойла, включающего даже неинтересную современному русскому читателю брошюру «прогрессора» сэра Артура времён англо-бурской войны, на белоснежной плотной финской бумаге, в кожаном переплёте, изданного крайне ограниченным тиражом.

Существующий на средства к существованию может позволить себе килограмм сухарей с изюмом и детектив фор-

мата pocketbook от одной из писательниц «номер один в России». Хрусти на здоровье, развлекайся. Но без хоть каких-нибудь независимых средств хоть какая-нибудь «карманная» независимость и вовсе невозможна, какие бы пламенные речи на эту тему не толкались и какие бы «освободительные» войны не развязывались. А именно сейчас она, пресловутая независимость, была Сашке ох как нужна. Чтобы съехать из этой квартирки и убраться из Вовкиной жизни. Ни он, ни она против такого расклада не были. Только он почему-то медлил. А у неё не было особого выбора. Не погружаться же в свои тридцать три во все тяжкие юных девочек, только-только приехавших покорять столицу. Что прикажете делать? Снимать дрянную квартирку с тараканами на троих? Чистить зубы по очереди и не иметь никакого личного пространства? Ходить в джинсах, купленных на распродаже китайской контрабанды? Есть шаурму, закусывая макаронами из пластикового стаканчика, превращая мерцающую матовую кожу в то, что они замазывают не самым лучшим тональным кремом? Может, в начале пути это и не страшно. Но на четвёртом десятке, привыкнув к плюс-минус неплохому качеству жизни, Сашка не могла себе представить такого расклада. То есть представить, конечно же, могла. И в представлениях этих она была негибнаема, улыбчива, всегда весела и даже ходила в робе, как героини старых фильмов о советских стройках. Весёлые картинки грустного ума. «Героини» эти, кстати, за общагу ничего не платили, так что им

было попроще кое в чём.

«Побудешь пока доминионом, а что делать?.. Нет. *Говорить*, «что делать» ты можешь не хуже всякого. Даже лучше. А вот что на самом деле *делать*?»

Сашка получала неплохое жалование. Но в случае самостоятельного съёма пристойной квартиры в мало-мальски терпимом районе от него будет оставаться долларов двадцать. На двадцать долларов Сашке не выжить. Они уйдут на автобус, метро и пирожки. Точнее – пирожок.

«Один пирожок в месяц – в день зарплаты. А одеваться на что? Не говоря уже о том, чтобы *хорошо* одеваться...»

Такое существование Сашку не устраивало. Она к такому не приспособлена. Детство у неё было сытое, опрятное и радостное. Блаженно бездумное. Юность быстро промелькнула на фоне обездвиженных от внезапности поголовных смертей чувств, не оставив в памяти путей выхода из бытовых ситуаций. Потому что ранняя молодость обеспечена мужем. Пусть он и был *не таким и не тем*, но сапог у неё была не одна пара (после того как она притупила в себе иррациональную тягу к босоножкам, не соответствующим его шкале ценностей). И свежий морковный сок по утрам она выжимала себе на собственной модной кухне...

[— Ты знаешь, что именно в кроваво-красных тонах люди чаще всего скандалят и даже лишаются рассудка? А на этом «глазурированном» псевдопаркете так и хочется выцарапать слово из трёх букв!

— Не знаю. Зато я вычитал, что красное возбуждает аппетит и вообще — это самый востребованный цвет в салоне. Помнишь, как долго мы ждали заказа? И вообще, почему ты вечно иронизируешь и язвишь, вместо того чтобы просто сказать «спасибо»? Я тебя спрашивал, что ты хочешь.

— Я тебе ответила, что я хочу.

— То, что ты хотела, это, прости, какой-то колхоз, а не современный дом.

— Не «колхоз», а деревня. Точнее — гибрид *country* с этническими деталями колониального стиля. И скоро этот «колхоз» станет очень популярным. А ты «с аппетитом» будешь кусать себе локти в этом кроваво-скабрезном борделе!

— Неблагодарная дрянь!

— Зато со вкусом. Прости, у меня пропал аппетит. Я чувствую себя как в лаборатории на станции переливания крови. Если бы в тебе была хоть капля гармонии, то ты бы и пол здесь сделал кафельным. Со стоками прямо в канализацию. Тогда в один прекрасный день, когда один из нас зарежет другого, уборка данного помещения не составит проблем!]

...Во всяком случае, тогда казалось, что на собственной. Всё так зыбко и так неожиданно изменчиво. Постоянная величина миг спустя превращается в случайную ошибку. Мода на встроенное красное сменяется тягой к «деревенскому» hi-tech с «использованием нанотехнологий». Не говоря уже о соковыжималках, миксерах и блендерах. Инженеры и дизайнеры, не помяная владельцев производств, тоже хотят не просто существовать.

«Унижение против унижения. Это сентенция или уравнение? Зря ты в школе плохо учила алгебру, дурочка! В петлю лезут не от безрадостности бытия, а от беспросветности быта!»

Потому пока и был Вовка. Радости, вопреки ожиданиям, ни бытию, ни – в последнее время – быту не добавлявший. Средства-то у него были. Измени Сашка себе, подстройся под него, и... Но единственным человеком, изменить которому она уже не могла, была она сама. Инженерия её характера была априори неизменна. Дизайн Сашкиного поведения был чуть более динамичен, но он мог меняться лишь в рамках того самого априори неизменного. Замкнутый круг.

«Будь ты сдержаннее и умнее, не таскалась бы на работу на автобусе и метро. Вообще бы на работу не ходила... Но нет. Вход – рублик, а выход-то – трёшничек. Ежели что...

«Аналоговое устройство в цифровом мире». Откуда это? И, главное, зачем это мне сегодня ночью?.. Не любит дух ночной тепла заплатки...

Нет боли – я лгу себе,
Борьбой называя усталость.
Недаром раненый зверь
Агонией здоровую вялость
Задушит в последней схватке...

Бессонные мысли куда несвязнее выпавшихся.

Незаметно умереть, задушить агонией вялость и родиться снова в идеальном мире. Где ты – богиня. Все тебе поклоняются. И... Нет, богиня – тоже не выход. Что за радости у богини? Вот, Артемида. Заботилась обо всём, что жило на земле, росло в лесу и в поле. О людях, о стадах домашнего скота, о диких зверях. Благословляла рождение, свадьбу и брак. Вызывала рост трав, цветов и деревьев. Дарила счастье, исцеляла от болезней. И что? Единственного смертного, увидевшего её, видите ли, голой, взяла да и превратила в оленя. И собственные же собаки Актеона разорвали своего хозяина на части. *Раненый зверь, минутами прежде бывший человеком...* Афина, должна быть мудрой, не выдержала состязания со смертной в ткачестве. И? Даже повеситься той спокойно не дала. Оживила и превратила в паучиху. Якобы в назидание. Но понятно, что из зависти. Бабы. Да

и вообще там, на Олимпе, коммуналка какая-то была, а не обитель. Нет, быть богиней – не выход. Ни в одном из верований. Так хочется, чтобы просто любили. Не за то, что богиня. И не за то, что быстрее бегаешь, метче стреляешь, готова принять мученическую смерть, умеешь превращать слова в стихи или воду в коньяк. Хочется, чтобы просто любили. Тупо – ни за что. За красивые ноги, что ли?.. Заботились. И желательно в этой жизни. Это что, так много для женщины?.. Хоть бы заснуть. Как в пелене... Согласна даже на вечный сон. И пусть снится, что ты – единственная женщина, любимая единственным мужчиной. И больше нет никого. И ничего. Особенно слов...»

Завтра выходной. И послезавтра – выходной. Два выходных. Очень хочется спать. И нет никакой возможности.

«Что делать завтра? Когда Вовка решит нагряться с инспекцией – неизвестно. Но в выходные его точно не будет, к гадалке не ходи. Или будет? Если ждать – не будет. Если не ждать и будет – скандал. Как же это выматывает... Просто Вова – такая же чокнутая и упёртая тварь, как ты. Но у него в руках есть рычаги управления тобою, а у тебя красных кнопок, могущих влиять на него, – нет. Ладно. Будешь ходить пешком. Сначала плавучий ресторанчик. А вечером – с визитом к Ефросинье Филипповне. Как раз деньги кончатся, и надо будет хоть что-то делать...»

Сашка настолько хорошо изучила кладбище напротив, что ей даже не нужен был белый день, чтобы знать, что там происходит.

Ночью на кладбище ничего не происходило. Глаза давно привыкли к темноте, и можно было различить отдельные могилы. «Если долго и внимательно смотреть на далеко отстоящий объект – ты начнёшь его видеть». Этому её научил Вовка. В «прошлой» жизни он был кадровым офицером, участвовавшим в боевых действиях. В настоящей – рестораторской – как-то раз они вместе поехали на море. Ненадолго. На пару дней. У него были дела по расширению бизнеса, а Сашку он прихватил с собой для развлечения. Нет, не её развлечения, конечно же. Своего. Они бродили вдоль берега и смотрели на корабли, стоящие в акватории. Если долго смотреть на линию горизонта и представлять себе, что ты смотришь за горизонт, то тебе откроется то, что от праздных отдыхающих всегда скрыто. Хотя вот оно, только умей смотреть.

Сашка не умела. Но научилась. Она вообще была очень способной ученицей. Особенно в том, что ей совершенно не пригодится.

«Лучше бы ты научилась готовить лазанью!»

Просто Вова очень любил поучать. Её внимание было од-

ной из самых сильных составляющих этих странных отношений. Женщины, как правило, так же мало слушают мужчин, как мужчины – слушаются женщин. Сашка была тем самым подтверждающим исключением.

«Лучше бы он научил тебя обращаться с распределителями в щитках. Что толку в том, что ты теперь можешь ночью видеть кладбищенские кресты?! «Здравствуйте, Василий Пименович Филимонов, 1896–1997 гг. Что ж это вы, Василий Пименович, до столыника годик не дотянули, не расстарались, голуба? И почему серьёзный такой? И лик у вас синий-синий, краше в гроб кладут. Нефотогеничны-с? Простите! Не хотели-с. Неудачная шутка. Мы же с вами друзья, Василий Пименович. Бывает, брякнешь глупость. Хотите выпить, Василий Пименович? У меня не только чёрная водка в загашнике была. У меня и коньячок хороший имеется. Вы не против? Отлично! Я мигом!»

Сашка быстрой тенью метнулась в комнату, достала из трёхстворчатого шкафа бутылку отменного коньяка. Вовка не одобрял её одиночного пьянства. Но кого это волнует, одобряет он или нет? Мужчина волнует женщину ровно пока он рядом. А как только вышел за дверь – привет! Пора примерять тряпки, слова, спиртное и других мужчин. Вот Василий Пименович, царствие ему небесное, рядом. Невдалеке, по крайней мере. Буквально через дорогу. Во всяком случае,

они с Сашкой видят друг друга. И покойный господин Филимонов не против Сашкиного коньяка и живой беседы. Ровно через сто граммов они будут близки, как старые друзья или даже близкие родственники. Родные люди.

«Коньяк!»

Как-то раз Сашка возвращалась из командировки. СВ, как и полагается руководителю отдела каких-то очередных коммуникаций. Публика в спальных вагонах обычно «приличная», то есть статусная. На Лёх шанса нарваться нет, если только на что куда похуже. И надо же, шофёр-дальнобоец затесался. Других билетов на московский поезд не было, а ему срочно. Так он, раз уж «гулять так гулять!», бутылку коньяка приличного прикупил. Весьма и весьма приличного, кстати. Коммуникациям только, жаль, не обучен был. Начал запросто, как нынешние соседки:

– Здрасьте! Я Павло. Павлик. А вы кто будете?

– Александра Александровна, – высокомерно бросила Сашка. Она была не в настроении, и меньше всего ей хотелось разговаривать. Да ещё и с человеком явно не её социального круга. Ни с кем не хотелось. Промозглый Львов был недружелюбен. Обледенелые дорожки вдоль трамвайных путей, зловещие в своём величии костёлы. Памятник Первопечатнику. Неудавшийся совместный проект. Украинцы не за-

хотели делиться с русскими американскими деньгами.

«Ну, ничего, ребята. Долг платежом красен!»

Фрикативная обслуга гостиницы и изысканный бизнесмен со степенью доктора наук и профессорским званием, советско-комсомольской ещё формации, прекрасно говорящий по-русски. И по-английски. Ещё бы! «Вэжа крамарив». Как её? «Башня торговцев», вот.

– Мы торговцы и есть. Только не рыбой и не кирпичом. И даже не интеллектуальными услугами. Мы торгуем фикцией. Впариваем веру в то, что сотрясение эфира звуковыми волнами способно принести счастье, здоровье и деньги, – хихикала хмельная, сидящая под роскошными оленьими рогами Сашка.

Башня торговцев недалеко от оперы. Прекрасный итальянский тенор. Аида. У Сашки внезапно заболел зуб. До одури. До невозможности. Она никогда не думала, что в человеческом теле может *так* что-то болеть. Тенор изящно взбегал к верхам – и туда же взлетала Сашкина боль. Его голос струился вниз – и её боль проникала в желудок и сигмовидную кишку. Никогда прежде Сашка не знала, что зубная боль – это так страшно. Ей казалось, что нет боли, лишаящей сна. *Нет боли!* Они врут. Вызывают жалость к своей *вялости*. А оказалось, что есть боль, лишаящая дыхания. Буквально. Боль, вскипающая под диафрагмой. Зажаривающая

изнутри. Если тенор ещё раз взовьётся, у Сашки лопнет голова, войдя в резонанс. И разлетится алыми осколками по бордовому бархату партера.

Наплевав на приличия, она встала и пошла. Из центра ряда. Публика шикала. Ещё бы. Профессор-бизнесмен, как человек воспитанный, поплёлся за Сашкой. Кроме разрывающей голову боли Сашку тревожил ещё только один вопрос: «Как идти?! Передом к недовольным зрителям, как и положено этикетом? Но тогда к сцене она будет задом. Неловко. «Меня тревожит этический вопрос: как к вам развернуться – задом или гениталиями?» Откуда это?» Тенор в очередной раз взвыл. «Треснуть бы тебя!»... «Бойцовский клуб». Точно! Одноразовые друзья...»

Сашкин выход не остался не замеченным никем, от солиста до галёрки. Она крутилась то так, то эдак, внезапно скрючиваясь от очередного обжигающего всплеска в мозгу. Она танцевала диковинный танец. Вслед за ней дрифтом продвигался профессор, клокоча на ходу: «Прошу выбачэння! Прошу выбачэння!»

– Что с вами, Александра?! – заботливо взял он Сашку под руку, когда они, наконец, выбрались в холл.

– Зубы, – простонала Сашка. – Никогда не болели.

– Идёмте лечить! Немедленно! Тут недалеко, буквально за углом, есть стоматологический кабинет. Кажется, круглосуточный, – спутник источал искреннее сочувствие.

Вот так Сашка и лишилась сразу двух зубов мудрости. Но-

чью. Во Львове. Без помощи всяких «кодированных» записных книжек. Профессор заплатил. Она протестовала, но было поздно. Пока здоровенный молодой дядька, напевая, что-то колол в самые отдалённые латеральные углы распахнутой Сашкиной пасти, затем орудовал там устрашающего вида железякой, не прерывая пения, львовский профессор-бизнесмен уже заплатил. Джентльмен.

Стоматолог накорябал на бумажке название обезболивающего.

– Только ни в коем случае на голодный желудок! Или не слишком много сразу.

– Доктор, так я же щещас не могу есть! – пошевелила Сашка онемевшими челюстями.

– Не можете есть – пейте! – бодро пошутил доктор.

Вопреки Сашкиным опасениям и предупреждениям коллег, во Львове отлично говорили по-русски. Когда хотели.

– Это как в шовецкой Прибалтике. Когда хотели – прекрасно говорили, – прошепелявила Сашка в профессора.

– Что вы имеете в виду, Сашенька? – с готовностью засюсюкал тот в ответ.

Сашка частенько отвечала своим мыслям вслух, чем ставила собеседников в неудобное положение.

– Извините, это я шебе. И ещё извините, што я ишпортила вам прекрасный вечер. Я люблю оперу, и мне так неловко... И вообще!

– Перестаньте! – профессор махнул рукой. – С вами, Са-

шенька, любой вечер прекрасен.

«Приехали. Опять-двадцать пять!»

– Ну, я, пожалуй, пойду! Я и так... И давайте я вам отдам деньги за врача, пожалушта!

Профессор так энергично протестующее зажестикуюлировал, что Сашка не на шутку испугалась, что у него что-нибудь отвалится.

– Сашенька! Я не могу вас просто так отпустить. Не могу! Делайте со мной что хотите! Я поеду с вами в гостиницу и буду всю ночь сидеть под дверью вашего номера, если вы не согласитесь сходить со мной в ресторан. Тут рядом премилое заведение!

– Во Львове всё так рядом! – улыбнулась Сашка. Онемение понемногу проходило. – Но, дорогой мой, смею вам напомнить, что мне только что удалили два зуба. Мне, женщине, никогда не страдавшей зубной болью, только что удалили сразу два зуба! Что я буду делать в ресторане?

– Вы будете украшать его своим присутствием! – пылко воскликнул львовский профессор.

«Кукла в интерьере...»

– И к тому же стоматолог сказал, что пить можно! Вот мы и закажем вам что-нибудь жидкое и негорячее.

– Ага... Виски, – картинно улыбнулась Сашка.

«Интерьерная кукла-алкоголичка! Впрочем, если он так хочет... Делать тебе всё равно нечего. И, как ты понимаешь, ресторан входил в его планы и до стоматологического форс-мажора».

Профессор-бизнесмен был хорош собой. И совсем не похож на хохла. И даже на поляка, несмотря на явно «-инскую» фамилию. Он был похож на персонаж детективных романов Акунина – Эраста Петровича Фандорина. Высок, атлетического телосложения, глаза синие, волосы чёрные. Минус седые виски. Ещё по приезде Сашка очень удивилась молодости львовского профессора. Во время полуофициального приветственного завтрака он рассказывал, что купил сыну машину.

– Какую? – уточнила Сашка из вежливости

Он охотно рассказал, присовокупив характеристики.

– Надо же! Какие игрушки научились делать...

– Почему игрушки? – опешил синеглазый профессор.

– А сколько вашему сыну?

– Двадцать пять лет.

– Ой, простите!.. Вы так молодо выглядите!

Профессор никак не отреагировал на это Сашкино заявление. Видимо, привык.

Он Сашке нравился, делать было нечего, и у неё не было

ни одной причины, чтобы отказаться от приглашения в ресторан и от всего последующего.

Они провели прекрасную ночь.

Спиртное и секс – самые изумительные обезболивающие, усиливающие действие друг друга. Не говоря уже о снотворном эффекте.

Всё, что было с профессором, было необычайно красиво. Изысканно. Впечатляюще.

Перед отъездом он сводил её в «Видденьску каву». Кажется, это значило «Венский кофе». Или кофе по-венски. В «кавьярне» – кофейне – стояли бильярдные столы, и профессор пытался научить Сашку играть. Вёл он себя, как студент на отдыхе. Очень возбуждён, полон жизни, дурашлив.

«Вот что всего лишь одна ночь с почти незнакомкой способна сделать с полувековым уже мужиком!»

Мало того, он попёрся провожать её на вокзал, пытаясь выпросить e-mail, и, не добившись, всунул свою визитку. Ну, и торжественно сообщил, что через месяц будет на конференции в Москве. И очень хочет Сашку. Видеть.

«Ну да. Кто же не хочет Сашку? Видеть. Держи карман шире! Я могу пылко влюбиться, и тебе, моложавый львовский профессор, не поздоровится! Я разобью тебе сердце и крепкую ячейку общества по дороге. Твою. Свою я уже раз-

несла, без посторонней помощи. С меня хватит уже одних процентов за кармические долги...»

– Это были незабываемые два дня! Вы – настоящий джентльмен.

– Ты, Сашенька, ты! Я очень надеюсь на встречу!

Очень хотелось спросить: «Зачем?» Кризис среднего возраста? «Помоги себе сам». Сашка подавила в себе ехидное желание поинтересоваться: «Предложение делать изволите?»

Приезд – полуофициальный завтрак – дела – официальный обед – опера – стоматологический кабинет – ресторан – постель – кофейня – достопримечательности – гостиница – вокзал. Нежный поцелуй. Никто. Никому. Ничего. И никогда.

«Не боится, что его кто-то увидит? Львов не такой уж и большой. Даже в нашей Гоморре всегда есть шанс нарваться на знакомых в самых неожиданных местах. А уж здесь-то...»

Сашка скомкала визитку красивого львовского профессора и выкинула её в просвет между составом и перроном.

Очень хотелось просто спать. И меньше всего хотелось пить коньяк с дальнобойщиком.

– Ой, ну что же вы! Ну, чего вы?! – канючил шоферюга,

милый и простой парень. – Я его специально в холодильник поставил!

Он охладил коньяк!

Сашка выпила с дальнобойщиком. Он старался. Ему говорили, что в СВ только всякие высококультурные фифы ездят.

– Жаль, что вы лимон не поджарили, – смеялась Сашка. – Холодный коньяк можно закусывать только горячим жареным лимоном. Это так, на будущее. Вдруг опять билетов не будет.

Ей показалось, или дальнобойщик тоже хотел большой и чистой любви? Но сказать стеснялся. Ах, как мило! Только намекал:

– Ой, та ну яка вы гарна дивка! – после половины бутылки он перешёл на ридну мову. – Дэж таку знайты?

– Ой, упаси вас бог, Павел, такую искать. Её придётся катать в СВ, как на такси, и поить дорогим коньяком вместо кефира! А ещё – покупать всякие совершенно ненужные, но страшно дорогие вещи. И будьте уверены, фифа непременно захочет на Мальдивы, погреться. Или в норвежские фьорды – охладиться.

– Та мэни бы тилькы знайты, шож я не розумию, шо гарной баби трэба?..

«Львов – город контрастов! Тут даже простой дальнобойщик знает, что «гарной баби трэба». В отличие от на-

ших топ-менеджеров и рестораторов-собственников, знающих, что *им* от «гарной бабы трэба». И всегда имеющих во внутреннем кармане брендового пиджака спецификацию того, что *им* за это баба ещё и *должна*».

Сашка отправилась к проводнику поинтересоваться, нет ли свободного купе. Перспектива прослушивания богатырского храпа и пронюхивания вспотевшего от коньяка простого и милого водилы не входила в её планы.

Место нашлось.

Нет, ей кажется, или даже проводник, принеся кофе, строил глазки?

Показалось. Не может быть. Это просто выветриваются остатки командировочного приключения...

По приезде Сашка не стала ловить такси. Одна-единственная полупустая сумка. Воспоминания о поведенчески идеальном профессоре, весёлый холодный коньяк с дальнобойщиком и... Никто её не встречал. «Ты не маленькая, а я занят, доберёшься!» Смысл был менять шило на мыло? В смысле – мужа на просто Вову. Так Сашка и не меняла. Никаких сделок с судьбой. Всё произошло естественным образом, без её участия. Он занят? Не вопрос. Метро в пять утра пусто, автобусы – свободны. Это быстрее и, главное, дешевле, чем такси. Иди знай, когда он освободится. А деньги – субстанция конечная по определению. Так что между такси и

плоской стеклотарой Сашка, не колеблясь, выбрала вторую. Несмотря на усталость и благодаря ей же, её разрывало жуткое сексуальное желание. До полнейшего и окончательного беспросветного бездумия. Есть, конечно, разумные женщины, способные подавить. Но не Сашка. Кроме фляги «Белой лошади», банки красной икры и сигарет, она купила вязку бананов. Хотя ей нужен был всего один. Бананы были хорошие: большие, прохладные и упругие. Жить стало легче. Можно было разобрать сумку, принять ванну и начать думать об отчёте. Без трети стакана виски и банана она бы, пожалуй, не справилась.

«Надо заказать Ирке на день рождения вибратор. Хотя, конечно, такие штуки женщине должен покупать мужчина. Для совместного использования».

– Ты добралась? – хорошо, что он позвонил ровно *после*. Как раз когда она подумывала о ещё одном банане.

– Да, спасибо! – просипела Сашка.

– У тебя странный голос.

– Да?

– Чем ты занималась в командировке?

– Всякой ерундой. Но за счёт фирмы, – Сашка развеселилась. – Жаль, что ты так занят, что не мог меня встретить. Я была в очень подходящем настроении.

Она была настолько в настроении, что, кроме банана, ей

не был нужен никто. И ничто. Она даже никого и ничего себе не представляла. Желание было настолько самоценным, что к банану ничего не прилагалось. Он был самодостаточен. Профессор-бизнесмен был умен и терпелив. Но это был не очищенный физиологический акт, а спектакль с претензией на чувства. Пусть даже и мимолётные.

«Есть же снег, который сразу тает. Идёт и тает. По дороге. А есть... белое безмолвие... Невозможно жить в снегах и не вымереть... Две рюмки – это хорошо. Но три – куда лучше».

Она не разрядилась со львовским красавцем-профессором, а возбудилась. Если бы Вовка приехал, это было бы отлично. Говорящий вибратор. Но он не приехал, и его функцию отлично выполнил отмытый и смазанный приятными кремами банан. Ничуть не хуже Вовки.

«Или Вовка – ничуть не лучше банана?...»

Эта мысль страшно веселила.

– Я заеду вечером.

– Валяй...

Конечно же, он не заехал. Он никогда не заезжал, если собирался. И всегда появлялся не вовремя. Была ли это игра

или проверка? Сашка так и не поняла. Просто Вова не был ей дорог. Он оплачивал счета и удовлетворял сексуальные потребности. После оплаты счетов не оставалось ничего. После физиологического довольства приходила брезгливость безысходности. Пятиугольников был бананом с кошельком. Она себе представила высокий статный говорящий банан. Иногда банан злился. Периодически банан читал ей нотации директивным тенорком. Изредка – банан водил её по магазинам и платил за то и это. Согласитесь, что говорящий банан с деньгами это забавно. Нет? Ну, ещё у банана была крутая тачка. Не смешно? Да ну вас! Вы лишены воображения!

Иногда с ним было интересно, и тогда он переставал быть бананом. Но это было некачественное и недолгое волшебство.

[– Это такая наглость! На рекламной картинке биг-мак такой большой и красивый, а покупаешь – пфуй! И даже не денег жалко. Просто чувствуешь себя обманутой. Как в детстве, когда впервые узнаёшь, что Дед Мороз – это папа. И одно дело, если папа – Бог по определению. Тогда в него и Дед Мороз помещается, и качели-карусели, и занудные нотации, и весь мир. А если папа обычный? Обычный хороший папа, вполне удобоваримый, как этот биг-мак, но, увы, не мир и не бог. Тогда как быть?]

– Ирка, но ведь это банальщина. И у тебя и у меня были самые обычные хорошие папы. И мы с тобой... По крайней

мере – ты... Счастливые женщины.

– У меня бабушка была и бог и мир. У человека должен быть кто-то, кто и бог и мир. Или хотя бы что-то. Просто в стандартной психологии принято говорить об упрощённой схеме: папа – бог и мир – основное условие женского счастья в последующем. И это верно плюс-минус. У тебя был кто-то и бог и мир?

– Ну, не знаю... У меня и папа был хорош. И дед. Частями... Частично.

– Вот! Как и этот биг-мак. Не совсем обман. Ничуть не отличается от совсем обмана. Но у тебя должен был быть кто-то или что-то – и бог и мир.

– Не лечи меня. Плюшевый медведь подойдёт?

– Или! Хорошо, что в нашем детстве у нас не было рекламы плюшевых медведей. А просто сразу сами плюшевые медведи. Мы не могли разочароваться. Вкус обмана не был впитан нами с молоком...

– Плюшевых медведей!.. Но тебе ведь, моя дорогая, и не нужна реклама, чтобы разочароваться. Ты же видишь!

– Если даже я покупаюсь, представляешь, каково другим? Кого и чаще – ЧТО – они принимают за бога и мир?..]

Ирка прекрасна. Но прикладного толку от этого для Сашки – чуть.

Если бы Сашка возвращалась к себе, а не в квартирку про-

сто Вовы – всё было бы иначе. Она бы принимала душ, постепенно готовила завтрак, варила кофе, надевала бы уютную фланелевую пижаму, включала телевизор. И под гомон чужих голосов читала бы книгу. Например, сентиментальный роман. И думала о том, как это хорошо, что после командировки есть ещё целый день ничегонеделанья. Но *это* место было не Сашкино. Тут не было ни одной фотографии на стенах. Ни одной. Скажем, маленькой Сашки в серебристой рамочке (фото начала семидесятых любовно отреставрировано, и маленькая карапузиха игриво взирает в свой современный взрослый мир, говоря: «Не верь! Всё понарошку! Ты – это я! Наслаждайся светом, теплом и любовью всего мироздания, пока сыта!»). Или взрослой Сашки в чьих-нибудь объятиях... Такое фото, что не просто настенная привычка, а действительно живое. Говорящее. Мыслящее. Событийное. Тут такого не было. Эта мебель была не Сашкиной. И ванная комната была не Сашкиной. Потому что никогда в Сашкиной ванной комнате не сочетались бы дешёвые полочки с дорогими кремами. Скорее наоборот. В Сашкиной ванной висел бы веник иван-чая и сидел бы плюшевый медведь. А уж какие бы там были полочки или, собственно, ванна, было совершенно не важно. И ещё в Сашкиной ванной комнате ей бы намывливал пятки живой мужчина, а не оживший банан.

«Всё дело в виски и в обезличенном оргазме на голодный

желудок. У оргазма всегда должно быть мужское имя».

Просто Вове чего-то не хватало. Чего-то не хватало профессору-бизнесмену. Они оба были просто сортами говорящих бананов. Даже дальнобойщик был куда более похож на homo sapiens. Хотя бы тем, что он понял, что с ним она не будет. И понял это совершенно по-человечески, а не по-бананьему.

«Как? Как звали львовского профессора-бизнесмена? Ты помнишь имя дальнобойщика, с которым выпила пару рюмок коньяка. И не помнишь имени того, с кем провела всю ночь в одной постели. Что нам скажет психология?.. Ничего не скажет. Ну, хоть фамилию?.. Каминский? Зелинский? Стравинский? Нет. Просто. Инский. Весь день проводишь с человеком, он оплачивает тебе оперу, ресторан и удаление двух зубов мудрости. Занимаешься с ним любовью всю ночь. Он водит тебя по незнакомому городу с экскурсией. Поит кофе, учит играть в бильярд. Провожает на вокзал. И от всего этого тебе остаётся обломок его фамилии. Забавно. Живой мужчина, превратившийся в шесть букв. У оргазма опять нет мужского имени. И ты заранее знала, что биг-мак не так хорош, как на картинке. Врите себе на здоровье!»

С живыми мужчинами сложно. Куда сложнее, чем с бананами или с картинками биг-маков. И куда как спокойнее.

С покойниками, безусловно, безопаснее, чем с живыми. Мужчинами. И даже бананами.

– Василий Пименович, я принесла коньяк! – салютовала Сашка с балкона бутылкой в сторону кладбища. – Он хороший, в меру тёплый и с холодным лимоном, вот!

Она вынесла на балкон вторую табуретку, поставила на неё два пузатых коньячных бокала, блюдечко с тонко нарезанным лимоном, розетку маслин, пепельницу, зажигалку и пачку сигарет. Что ещё нужно Василию Пименовичу и Александре Александровне в столь поздний час? Только хорошая душевная беседа.

Степенно разлив по ёмкостям равные дозы, Сашка подняла их и соприкоснула:

– Ваше здоровье, Василий Пименович! – пискляво сподобострастничала она.

– Да уж какое там, дружочек, здоровье! Всё бы вам, Александрюшка Александровна, шутки шутить, старика задирать! – размеренно пробасила она же.

Ночь была тёплой. Чудесной. Спокойная, красивая даже посреди индустриального пейзажа с видом на кладбище августовская ночь. По шоссе ездили машины, улицу освещали фонари и вывеска универсама.

– Василий Пименович, пока я доставала коньяк, у меня написалось стихотворение. Помните, вы говорили мне, что нельзя зря тратить столько слов? Мол, Сашенька, это ужасно

– беспричинные траты себя? А вот и не беспричинные! Я же посмотрела на фонарь! И не надо напоминать мне, друг мой, про аптеку и улицу! Я всего лишь о беспричинности своей «околофонарности»... Свеж и тих вечерок,

В нём витает печаль.
Выйду к ним за порог,
Посмотрю на фонарь —
Обуян, одинок,
Вырывает в ночи...
Не вещает поэт
Никогда
Без причин...

Ну не умница ли я, господин Филимонов?! Я жду ваших похвал!

Василий Пименович был чудесным собеседником. Галантным, остроумным, знал массу стихов. И с удовольствием выслушивал Сашкины опусы, не зевая, не перебивая и понимая самую суть. И кадя фимиам. Это ведь так важно для женщины. Куда важнее, чем даже для поэтов.

– Вы – самый лучший мужчина на свете! – не врала Сашка.

– О-хо-хо-хо! – хохотал Василий Пименович. – На этом

или на том, Шурочка?

– На всём! – уверяла она.

На двоих коньяк пьётся быстрее. Благодаря Василию Пименовичу она уснула, ещё не успев пересечься с рассветом. Если бы они встретились – всё. Ещё ночь минус. А Сашке ох как нужно было наконец-то поспать. Бессонница – это страшно. Не кокетливое «не могу уснуть» – от случая к случаю. А именно беспросветная, выжирающая из черепной коробки всё содержимое, взамен наполняющая её своей гулкой отрыжкой, тупая ненасытная бессонница.

Сашке снилось, как они с Василием Пименовичем прогуливаются по летнему лугу под руку. Ему – сильно за пятьдесят. Ей – восемнадцать. Он заботлив, она – счастлива. Они обсуждают цены на клевер, последний парижский фасон, выписанный Александрой Александровной, и предстоящую поездку «на воды». И он ей точно не папа. Хотя и бог, и мир, и даже плюшевый медведь. И, конечно же, совсем не тот Василий Пименович, похороненный на кладбище, что напротив обшарпанной девятиэтажки с универсамом. Да и Сашка совсем другая – беззаботная, любимая, обласканная, бездумная. Ну, то есть такая, какая она на самом деле – созданная исключительно и только для радости и красоты. И в радость и красоту – после создания – помещённая. Безошибочно доставленная.

– Мало ли кому и что снится! Есть сны. И есть – сновидения. Ты что, Фрейда с Юнгом в школе не читала?

– Читала. Мне вот только интересно, откуда знали правду Фрейд и Юнг? Мало ли что я могу написать. И наговорить. И толпы будут в это верить.

– И где правда?

– О снах?

– Сны – это небывалые комбинации бывалых впечатлений. Это уже великий физиолог Павлов написал. И это, скорее всего, правда. Во всяком случае, такая правда меня устраивает. А то, что Юнг нанёс в мир о сновидениях, извини, меня не устраивает.

– Тогда как ты объяснишь свой повторяющийся сон?

– Я никак не хочу его объяснять. Я просто знаю, что когда он мне снится – мне страшно. Нет. Мне не страшно – меня охватывает первобытный ужас, и это всего лишь метафора. Меня охватывает *НИЧТО* и *ВСЁ*. Может, ты объяснишь? Как психолог психологу? Я тебя давно об этом прошу. Единственное более-менее разумное объяснение – филогенетическая память. Но ты же знаешь, я не очень-то верю в то, что её можно извлечь. Если что-то зашифровано – оно не зря зашифровано. И зашифровано, судя по всему, надёжно. Иначе бы процент умалишённых давным-давно превысил бы существующий.

– Нет уж. Ничего я тебе объяснять не буду. Сама, дорогая,

сама.

– Может, гипноз?

– Я тебе уже не раз говорила, что ни гипнотизировать тебя, ни гадать тебе, ни что-либо объяснять тебе я не буду. К тому же ты не веришь в гипноз.

– Но ты же сильнее меня. И умнее меня. И почему же не верю? Верю. Как в ещё один способ промывки мозгов. Он ничего не объясняет. Но он работает.

– Сильнее? Вряд ли. Умнее, способнее – да. Сашка, всё, что я могу для тебя сделать – это сварить кофе. Налить рюмку. Прикурить сигаретку. Одолжить денег. Всё остальное – только твоё. Я тебя боюсь.

– Подожди, кто тут у нас потомственная ведьма?

– Я. Поэтому и боюсь. Ты – иное существо.

– Ага. Вампир? Чужой? Тёмный маг Скипидар? Крыса-трансформер? Пятый элемент? Дух сливного бачка?

– Трепло ты несусветное. Иное.

– Дурное существо. Ирка, ну погадай! Что было, что будет, чем сердце успокоится.

– Нет! Прекрати паясничать. Сейчас будем пить кофе и сплетничать. У меня тут недавно парочка была на сеансе семейной терапии. Три часа друг на друга орали. А мне что – оплата почасовая. Если мне платят за то, что я смотрю представление, – с нашим великим удовольствием!

– Ирка! Ну откуда этот сон с нескончаемым потоком страшной силы?

– Сила не бывает страшной. Сила – это всего лишь сила...
Не знаю. Из тебя. Отстань. Или кофе – или выгоню. Как там
твой «просто Вова»?..

Четвёртая глава

– Хорошо, просто Вова. Простите, просто Вова. Я знаю, что это выглядит так, как это выглядит. В лучшем случае – глупо. О худшем – даже думать не хочу, – Сашка набрала побольше воздуха в лёгкие, – но я вас вижу впервые. Хотя и подозреваю, судя по платью, обуви, плащу и ресторану, что мы знакомы не то чтобы слишком близко, но вполне достаточно для нового платья, обуви, плаща и японской кухни. Я не сумасшедшая... Была. Наверное. Теперь уж и не могу сказать наверняка. Потому что события последних дней напроц, как выяснилось, вывалились у меня из головы. Вот.

Просто Вова, спокойно улыбаясь, присел за столик. К нему тут же подошёл Антон.

– Как обычно, – и, обращаясь к Сашке, – это многое объясняет. Мне действительно казалось, что вы немного не в себе. Но это не делало вас менее очаровательной. Напротив.

– Может быть, вы мне расскажете, что произошло? Мне ужасно интересно. А от ужаса я быстро трезвею. Что в данной ситуации было бы весьма некстати.

– С чего начнём?

– Со стружки.

– Ага, значит, с начала, – он несколько не удивился.

– Да. И желательно поподробнее.

– Санечка, ты не возражаешь, если мы прежде выпьем?

– Я в ваших руках, просто Вова! – пафосно произнесла Сашка. – Простите, – быстро добавила она, увидав его выражение лица, – простите, пожалуйста, Владимир Викторович, я не хотела вас обидеть, честное слово. Вы мне нравитесь и, судя по всему, очень. Видимо, как и я вам. Иначе бы я не сидела тут вся такая распрекрасная и хмельная, с иголки разодетая. Но...

– Перестань, Сашенька. Я всё понимаю. За твоё здоровье, детка.

«Детка? Ого! Нет, ну а чего ты ждала? Ты наверняка с ним уже переспала, чудес-то не бывает...»

Они выпили.

– Я возвращался вечером в город. Увидел на обочине шоссе девушку. На первый взгляд, слишком хорошо одетую, чтобы топтать в одиночестве. Даже не так. Слишком правильно одетую. Да и не в одежде дело. Почему-то сразу было понятно – что-то случилось. Бредёт эдакий несчастный оленёнок...

«Дальше – лучше. «Детка». «Оленёнок». Хотя, кажется, ты именно этого всегда и хотела, разве не так? Или так сильно хотела, что уже хотелка поломалась?.. Нормально говорит. Со вкусом. Даже, кажется, приятно его слушать. Заткни свою бесконечную внутреннюю секрецию яда!»

– ...и он явно не в себе. Темно. «Чудный» весенний московский то ли дождик, то ли снег. Я притормозил. Не то чтобы добрый самаритянин, но если кто-то прямо у тебя на глазах ищет приключения на свой зад... Симпатичный, к слову... Прости. Моя очередь просить прощения, да?

Сашка махнула рукой, мол, ерунда, продолжай.

– Если кто-то прямо у тебя на глазах нарывается на погоду, природу и прочие непутёвости, я не могу проехать мимо, как и любой другой более или менее вменяемый человек.

– Я спокойно проезжала, – бесцветно прокомментировала Сашка.

– Ты – женщина. Это другое дело.

– Не человек?

– Человек. Но не мужчина. Хорошо... Ты упрямая, как маленький ослик, и жуткая спорщица, это я уже успел понять, – он улыбнулся. – Как и любой другой более-менее вменяемый мужчина. Так лучше?

Сашка согласно кивнула.

– Пока я размышлял, как бы поаккуратнее около тебя остановиться, чтобы не напугать, и подбросить до города, вдруг, ещё даже не разглядев толком, понял, что безумно тебя хочу.

– Вот это оригинально.

– Не бабу вообще, а именно тебя.

– И тем не менее...

– И тем не менее – это правда. От тебя исходил какой-то совершенно безумный флюид. Пока я воображал себя эдаким благородным рыцарем, ты упала прямо лицом в грязь. Без паузы. Шла-шла и упала. Я выскочил, поднял... Даже мысли не было чего-то такого. Мол, пьяная, наркоманка. Ничего такого. Было только – схватить и не отпускать. Смешно?

– Обхохочешься. По обочине бредёт чёрт знает кто. Естественно, первое, что приходит нормальному мужчине в голову при виде такого раритетного зрелища, – это схватить подмокшее сокровище и не отпускать. Так это был снег? Я думала, что весь мир засыпало стружкой.

– Ты очень ироничная девочка. Это иногда злит. Но большей частью забавно, – как он ни старался, а скрыть властные нотки не получалось. Как будто Сашка уже была его собственностью. – Да, ты что-то шептала про стружку. Я усадил тебя в машину. Ощупал, прости, – руки-ноги целы, видимых повреждений нет. Пульс хорошего наполнения и напряжения, частота дыхательных сокращений в норме. Зрачки на свет реагируют.

– Откуда такая уверенность в нормальности дыхания и всё́м остальном? Ты врач? Нет, ты же ресторатор. Врачи рестораторами не становятся.

– Не врач. Потом... В общем, ничего такого неотложного. Решил, что от слабости. От усталости. От расстройства. Мало ли от чего девушки сознание теряют.

– Девушки лишаются чувств, – перебила Сашка.

– Ну да. Так красивее. Девушки лишаются чувств.

– Нет, ты не понимаешь. Я действительно лишилась чувств. И только потом потеряла сознание.

– Ладно. В общем, растёр мочки ушей, влил немного ко-
ньяка, у меня всегда в бардачке валяется. Пришла в себя.
И говоришь... Нет, правда. Ни охов, ни ахов, ни испуга.
«Здравствуйте, меня зовут Александра Александровна Ла-
рионова. Можно я тут у вас посижу? Там стружка, я туда не
хочу».

– Как же ты меня сразу в психиатрическую подстанцию
не свёз?

– Ты была, с одной стороны, такая беззащитная. А с дру-
гой, знаешь, какое-то давление, напор. Как не от мира сего,
буквально. И я потерял голову.

– Это нехорошо, – сказала Сашка.

– Да. Это нехорошо. Но я её потерял. Факт. Спросил, куда
подвезти, а сам только и думаю: «Пусть скажет, что ей некуда
ехать! Пусть скажет, что ей некуда ехать!»

– А я?

– Ты сказала, что тебе некуда ехать, и тут же собралась
звонить какой-то Ирке. Но я больше всего на свете не хотел,
чтобы ты звонила Ирке.

– Зря. Ирка хорошая.

– Да, ты говорила. Ещё ты говорила, что у неё муж Боря,
дочка Юля и собака Джульетта и что как неудобно будет, ес-
ли ты заявишься к ним на ночь глядя, тем более что у Ирки

клиенты. . .

– Надеюсь, вы не подумали ничего плохого?

– Ты.

– Ты не подумал ничего плохого?

– Нет. Я просто хотел, чтобы ничего не менялось. Но ты всё равно куда-то позвонила, сказала, что всё кончено, искать и ждать тебя не надо, все свои проблемы ты отныне решаешь сама, из всех ситуаций выходишь самостоятельно. И ещё некоторое время что-то гневно бурчала себе под нос. Я ждал. Ты всхлипнула. Я дал тебе упаковку салфеток. Ты сказала, что они тебе не нужны. Я предложил поехать в ресторан поужинать. Ты согласилась. После я отвёз тебя к себе домой. Конец первой серии.

– И?

– И ты была очень хороша.

– В постели? – Сашка подбавила ехидства.

– Не только. Ты была весела, остроумна. В общем, восхитительна.

– Я совершенно не помню. Ничего. Ни твоего дома, ни того, что происходило. Ни себя. Последнее, пожалуй, самое ужасное. Странные какие-то симптомы для амнезии. Вылетает фрагмент, и ты, очнувшись, либо не помнишь, кто ты и что с тобой было от и до того момента, как ты воспринял себя, например, сидящим на стуле в ресторане. Хотя, логичнее предположить себя очнувшимся в больнице. Или в канаве. «Знахаря» смотрел?

– Что?

– Польский фильм такой. У знаменитого врача стресс. От него ушла любимая жена в день его триумфа. Не только сама ушла, но ещё и не менее любимую дочь прихватила. Он идёт в кабак, напивается. Или это только в кино все мужчины, испытавшие стресс, идут в кабак и напиваются?.. Все мои клиенты в такой ситуации, в смысле – проблемы с женой, шли в кабак и напивались. Ну, на то они и клиенты, а не мужчины. Но ни у кого из них после не было амнезии, эпизоды хмельного беспамятства не в счёт. Ко мне никто не обращался с амнезией. Только с недоразумениями в отношениях, несправедливо полагая их стрессом. Потому что с амнезией – это не ко мне. Уже к психиатру. А я – психолог. Ко мне приходили поговорить. И ждали, что от пары-тройки разговоров все их проблемы развеются сами собой. А не развеются – «плохой психолог». Современный мир переставил множество акцентов. Там, где исконно положено полагаться только на себя, теперь ожидают малобюджетного чуда. Прости. «Знахарь». Так вот...

– Я смотрел этот фильм. Хирург, очнувшись на обочине, не помнит себя.

– Да. Но я-то помню. Я – Александра Александровна Ларионова. Я могу рассказать тебе всю свою предыдущую жизнь до той заваленной стружкой обочины, и последние пару часов. А между – нет ничего. Это не амнезия. Это что-то другое.

– Какая разница, если ты жива, здорова и не попала ни в какую историю?

– Ты уверен, что я не попала ни в какую историю? Я, знаешь ли, замужем. Скорее была, правда. Идти действительно некуда – тут я была права. Или не хочется. Так не хочется, что уже и некуда... Но решают же как-то миллионы женщин такие проблемы, чем я хуже?!

– Тебе есть куда идти. Собственно, ты уже пришла, просто не помнишь.

– Это сказка для слабоумных девочек. Она, такая несчастная, падает мордой в грязь. Её подбирает прекрасный принц. Переодевает в платье феи. Они живут долго и счастливо и умирают в один день. Очень смешно. Готовый рассказ в «Космополитен». «Ягодные места». Не в смысле Евтушенко, а так, чтобы ассоциации. Много соплей. Немного суровости бытия в виде урезания и без того маленького бюджета, чтобы купить любимый шампунь. А потом – раз! – прекрасный владелец японского ресторана покупает ботильоны и предлагает крышу дома своего.

– Да, именно так всё и выглядит.

Они оба недолго помолчали.

– Ещё ты кричала. Во сне. Металась и плакала. Я разбудил. Ты так прижалась... Как будто именно меня искала всю жизнь. Потом мы всю ночь сидели на кухне и говорили...

– Я даже знаю, что мне снилось. Это всегда один и тот же сон, плюс-минус незначительная вариация. Кем я была

на этот раз?

– В смысле?

– Я в этом сне женщина. Разная женщина, но всё время я. Один раз даже была... собакой. Всего один раз. Собакой-сухой. Странные ощущения. Всё. Больше никем не была.

– Женщиной. Про собаку ты ничего не говорила.

– Эти сны страшны. Даже не так. Они не страшны – бездонны... – Сашка закурила. – Как будто это не сон, а вечность. Только не метафора. Мол, так страшно, что время растягивается в вечность и бла-бла-бла... Нет. Просто – тупо: Вечность. Я там, на той стороне, с начала времён. И буду на той стороне до конца времён. Я не могу объяснить. Там, во сне, совсем иные категории. Нет ни пространства, ни времени, ни качества, ни количества. Сущностей тоже нет. Кроме меня. И того, кто на той стороне. Но и мы – не сущности. И тот нескончаемый поток скачущих лошадей. Но они тоже не лошади. Хотя они лошади. И пыль – не пыль. Хотя она пыль. И скалы – не скалы. И сумеречно не потому что вечер или там «трещина между мирами». Всё то. И всё – не то... Это как единый организм. Но не как у фантастов. Ничего такого, что известно в этом мире. Ничего такого, что можно придумать и тем более рассказать. Словами. Привязать к человеческой логике... Впрочем, наверное, я тебе всё это уже рассказала той ночью, которую я не помню, на той кухне, интерьер которой остался для меня за кадром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.